

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

фея
с благими
намерениями

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Фея с благими намерениями

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Фея с благими намерениями / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2019 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

ISBN 978-5-04-100278-7

Сыщица-любительница Надежда Лебедева провела бессонную ночь. Ее мучила странная загадка — приглашение на похороны некоего Алексея Кондратьева. Мало того что Надежда терпеть не могла любого рода похороны, так она и не знала никакого Кондратьева. Среди коллег по работе, друзей, знакомых, соседей никакого Кондратьева не было. Стоило отправиться в крематорий для того, чтобы разобраться с этой историей. И именно там Лебедева оказалась впутанной в криминальные приключения, в которых все вопросы о том, кто такой Алексей Кондратьев, отошли на второй план... Ранее роман выходил под названием «Смерть под псевдонимом»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100278-7

© Александрова Н. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Наталья Александрова

Фея с благими намерениями

– Молчи! – заорала Надежда. – Молчи, злодей! Лучше молчи и когти спрячь!

Кот не обратил на ее слова ни малейшего внимания, он орал диким мявом и вырывался, норовя цапнуть хозяйку всеми двадцатью когтями. Не очень-то это у него получалось, потому что Надежда была опытной котовладелицей и, прежде чем приступить к коту, обмотала руку полотенцем.

Сейчас она перехватила кота поудобнее и провела по его боку ваткой, смоченной в растворителе. Кот взвыл и дернулся, но пятно краски на боку не стало меньше.

– Сам виноват, – Надежда удвоила усилия, – нечего было пачкаться. Вот зачем ты полез в краску, скажи на милость? Что ты там забыл? И куда ты теперь пойдешь в таком виде? Тут, милый мой, хоть год облизывайся, без растворителя ничего не сойдет!

Бейсик прижал уши и зашипел из последних сил.

– Убила бы! – честно сказала Надежда. – Вот убила бы, и все! И как бы хорошо зажила! Потому что все мои неприятности исключительно из-за тебя!

Это было верно на все двести процентов. Потому что котяра был наглый и хулиганский, Надеждин муж Сан Саныч разбаловал его до невозможности. При нем, надо сказать, Бейсик вел себя идеально – ясно, притворялся, артист несчастный! Кот мелодично мяукал, давал почесать шелковистое кремовое пузо и, разлегшись у мужа на коленях, долго и со знанием дела мурлыкал. В общем, работал котом.

Днем же, когда муж был на работе, котяра давал волю своим низменным инстинктам.

У Надежды Николаевны с котом было два камня преткновения – цветы и обои. Кот жрал все, что высывалось из земли хотя бы на миллиметр, особенно уважал луковичные и перистое растение, называемое в народе «Тещин язык». Надежда давно выбросила его остатки на помойку. Еще кот любил рыться в ящиках с геранью и опрокидывать горшки с цветущими азалиями. Надежда по этому поводу воевала с рыжим негодяем неустанно, но победа не всегда оставалась за ней.

Вторым сложнейшим вопросом были обои. Бейсик драл их с упорством, достойным лучшего применения. В начале его жизни (коту в этом декабре исполнится одиннадцать лет) это были дешевые бумажные обои в мелкий розовый цветочек. Затем обои стали плотнее и в полосочку.

По мере роста благосостояния семьи Лебедевых качество обоев все улучшалось, но кот также совершенствовал свое мастерство. Кот драл все – и моющиеся плотные обои, и английские тисненные, и гладкие, как шелк. И вот, когда Надежда всерьез подумывала, не оббить ли прихожую листовым железом, они переехали в квартиру Сан Саныча, где раньше жил его сын с семьей, который уехал на несколько лет работать по контракту в Канаду. У невестки был сделан дорогуший ремонт, и обои под три слоя краски. Надежда успокоилась было, но проклятый котяра и тут умудрился найти малюсенький отставший уголок, а там уж дело техники – подцепил когтем, и порядок.

Обнаружив такое безобразие, Надежда пришла в ужас – как она посмотрит в глаза невестке, когда та приедет в отпуск? Не может быть никаких оправданий!

Надежда нашла в кладовке кусок обоев и подобрала в магазине нужный колер. Прихожая у невестки была цвета голубого льда, и на полу лежала такая же плитка с редкими вкраплениями темно-синей. И вот, когда Надежда Николаевна открыла банку и достала кисточку, чтобы закрасить кусок свежепоклеенных обоев, зазвонил телефон. И пока Надежда, чертыхаясь, искала трубку в глубине квартиры, предприимчивый котяра умудрился опрокинуть банку и вымазал весь бок голубой краской!

Надежда никогда не оставила бы кота наедине с открытой банкой, уж на это-то у нее хватило бы ума и осторожности. Но ведь только что милый котик уютно спал на кровати в спальне! И вот, нате вам, за какие-то две минуты он успел устроить эту пакость! Да еще оказалось, что краска смывается не водой, а химическим растворителем, вонючим до невозможности. Было от чего прийти в отчаяние. Тем более что к телефону Надежда не успела, там уже повесили трубку. Черт знает что!

Растворитель наконец подействовал, краска потихоньку сходила. Кот чихал, сама Надежда обливалась слезами, до того едким был запах. Наконец она сочла, что дело сделано и дала коту вырваться. Он стремглав помчался прочь, но Надежда загодя позакрывала все двери в комнаты, так что Бейсику оставалось рваться только на кухню. Там он одним махом взлетел на пенал и затаился. Надежда едва успела закрыть банку и оттереть плитки пола, как снова зазвонил телефон.

Надежда взяла трубку осторожно, бумажным полотенцем, потому что сама была вся в краске.

– Здравствуйте, я говорю с Надеждой Николаевной Лебедевой? – раздался в трубке официальный женский голос.

– Да, я вас слушаю, – ответила Надежда, запыхавшись.

Сердце неприятно екнуло, от таких официальных голосов не ждала Надежда Николаевна ничего хорошего. Казалось бы, нет у нее ни частного предприятия, чтобы беспокоили из налоговой инспекции, ни сына-подростка, который попал бы на заметку в милицию, а вот, поди ж ты, – сердце дурную весть чует.

– Примите, пожалуйста, сообщение, – проговорила женщина, – похороны Алексея Ивановича Кондратьева состоятся завтра, пятнадцатого октября, в двенадцать тридцать в крематории. Как туда проехать знаете?

– Знаю, – машинально ответила Надежда, – а что...

Но в трубке уже раздавались короткие гудки. Надежда оторопело посмотрела на трубку, механически вытерла голубое пятно краски и осторожно сунула ее в гнездо.

– Кондратьев... – пробормотала она, – кто такой Кондратьев?

При первом приближении такая фамилия в голове не всплывала. Это было странно, потому что Надежда Николаевна на память никогда не жаловалась. Знакомых у нее было множество, потому что Надежда была женщиной общительной, и знакомые эти в большинстве своем проживали в Петербурге, поскольку сама Надежда родилась и выросла здесь и надолго никуда не уезжала. Надежда старалась поддерживать давние знакомства, изредка перезванивалась с подругами детства, со школьными же непременно встречалась хотя бы раз в год.

Размышляя так, Надежда протерла пол в коридоре, убрала злополучную банку с краской в кладовку, приняла душ и переделась. Растворитель вонял зверски, так что она раскрыла окна, зорко следя, чтобы кот не пролез в щелку. Кот, кстати, так и сидел на пенале, видно сильно измучился. По наблюдению Надежды он пытался умываться, но только чихал и кашлял.

– Так тебе и надо! – сказала Надежда Николаевна. – Не будешь хулиганить!

Однако сказала она это без должного драйва, потому что мысли ее были заняты неизвестным умершим Кондратьевым. Кто же он такой? Кем приходится Надежде? Ведь позвонили же ей по домашнему номеру, по имени-отчеству назвали, стало быть, ошибки быть не может...

Промаявшись некоторое время, Надежда пришла к выводу, что неизвестный Кондратьев не может быть знаком ей с детства или со школы. Или из института. Во-первых, она всех помнит, а во-вторых, если, не дай бог, что случится, то позвонил бы кто-то из старых друзей, поохали бы вместе, посокрушались. А тут голос совсем незнакомый, и главное – нерасстроенный. Надежда сразу отметила по голосу, что женщине, в общем-то, все равно. Посторонний человек, звонит по обязанности. Раньше так из профкома звонили.

Вот именно, подвела итог Надежда, стало быть, этот Кондратьев с бывшей ее работы, из научно-исследовательского института.

«Не помню, – в который раз подумала Надежда, – ну, не помню я никакого Кондратьева! Не работала с ним никогда!»

Уже давно у нее в голове бродила мысль – забыть про звонок и никуда не ходить. Ну, позвонили всем по списку, мало ли что? Не смогла прийти, что с того? В командировку уехала, с работы не отпустили...

Все это было полное вранье, потому что Надежда Николаевна уже год не работала, из института ее сократили, и теперь она считалась домашней хозяйкой. Ух, как Надежда ненавидела это слово!

Чтобы снять стресс после истории с котом и краской, Надежда решила выпить кофейку. Под заинтересованным взглядом кота она сделала себе калорийный горячий бутерброд с ветчиной, сыром и помидорами и воткнула еще туда для красоты веточку петрушки.

Бейсик негодуяще фыркнул.

– Ладно уж, – миролюбиво сказала Надежда, откусив бутерброд, – слезай, тебе тоже нужно снять стресс.

Кот прыгнул с пенала на холодильник, а с холодильника – на стул, при этом чашки в буфете жалобно зазвенели – кот весил почти девять килограммов. Сразу же резко запахло растворителем.

– Да, – злорадно сказала Надежда, – шерсть очень долго держит запах. Может, ванну примешь? С пеной...

Кот посмотрел грустно, и Надежда устыдилась. Сан Саныч утверждал, что кот не только понимает человеческие слова, но также и шутки, и сарказм. Иногда Надежда думала, что муж прав.

После кофе Надежда несколько успокоилась, только какой-то мелкий червячок точил душу – кто такой Кондратьев, кто такой Кондратьев... Наверно, все-таки с работы. Чтобы успокоиться, нужно позвонить Милке и все выяснить.

Милка была давнишней приятельницей, когда-то они вместе работали, потом Милка уволилась, но связь с Надеждой не теряла. Более того, Милка была в курсе всех событий, случавшихся со всеми, кто когда-либо работал в их отделе, – кто с кем развелся, кто женился во второй раз, у кого родились дети, у кого уже внуки...

Милка ответила сразу – она устроилась программистом-надомником, и телефон у нее стоял рядом на столе.

– Привет, Надя, – обрадовалась Милка, – слушай, что скажу!

– Да, – перебила Надежда, зная, что, если Милку не остановить, она может болтать до вечера, – я тоже кое-что узнала...

– Что? – завопила Милка. – Так ты, выходит, уже в курсе этой ужасной истории?

В ее голосе сквозило явное огорчение, ясно, что Милка надеялась изложить подруге свежую сплетню.

– Да нет, – вздохнула Надежда, – мне позвонили, но толком ничего не сказали... Что там случилось с Алексеем...

Она замялась, неудобно было признаваться, что совершенно не помнит, кто же такой этот Кондратьев.

– Ой, Надя, это полный кошмар! – Надежда воочию увидела, как Милка всплеснула руками. – Значит, он решил жениться, представляешь?

– И что? – недоуменно спросила Надежда.

– А то, что невеста на двадцать пять лет его моложе! Такая тихая мышка, училка начальных классов! Ну, умная да красивая за него бы не пошла, сама понимаешь, ему пятьдесят два, и богатства никакого особенного не наблюдается.

Надежда хмыкнула что-то неопределенное, давая понять Милке, что внимательно слушает.

– И дело шло к свадьбе, он уже к ней переехал, в квартирку однокомнатную где-то в Сосновой Поляне или еще дальше, как вдруг обнаруживается у невесты папа.

– Как это?

– А так, он, понимаешь, их с матерью бросил, когда ей три года было, уехал в Сибирь или на Север, алиментов не слал, мать думала, что спился он там где-то или замерз под забормом. Оказалось – нет, пил, правда, вроде бы даже сидел, но в перестройку очухался, дело свое организовал – не то у него рудники серебряные, не то золотые россыпи... – Милка сказала это глубоким хриплым голосом Высоцкого, – в общем, до того денег много, что решил уже о душе подумать, доброе дело какое-нибудь сделать. И тут ему в голову вступило, что у него когда-то дочка была в Петербурге. Ну, нашел ее очень быстро, приехал – так и так, прощения прошу, хочу искупить вину свою.

– А она что? – невольно полюбопытствовала Надежда, как всякая женщина, она обожала такие жизненные истории.

– А что она? – Милка, надо думать, там у себя пожала плечами. – Кто же от богатого папаши откажется? Он ее одел как куклу, бриллиантами обвешал, по ресторанам водил, с работы снял – это ли не жизнь? Сама понимаешь, от такой веселой жизни она про жениха своего как-то подзабыла. Но он настырный оказался – ты же знаешь нашего Лешу. Ну, улучила она минутку, познакомила их с папашей. Тот человек простой – сразу сказал, что думает. Гони, говорит, доча, этого плешивого хмыря от себя подальше. Нечего ему возле тебя крутиться, толку от него нигде не будет – ни в жизни, ни в постели. Ты, говорит, при деньгах моих кого лучше выбрать можешь. А замуж вообще не спеши, поживи весело, уж я об этом позабочусь. Ну, она прикинула – по всему выходит, что прав папашка на сто процентов. И дала жениху от ворот поворот. Прости, говорит, думала, что любовь у нас с тобой до гроба, а выходит ошиблась я. И пошел наш Алексей Петрович лесом за пиковым интересом...

– Иваныч... – машинально поправила Надежда.

– Чего? – удивилась Милка.

– Я говорю – Иваныч, Алексей Иваныч...

– Как это – Иваныч? – возмутилась Милка, – Петрович он, Алексей Петрович Перфильев, я ведь секретарем работала, всех по имени-отчеству помню!

– Так ты про Перфильева говоришь? – настал Надеждин черед удивляться.

– А про кого же еще? Надежда, ты спишь, что ли, или гредишь? Я битый час тут распинаясь, а ты не в теме! Ты что – вообще никого не помнишь с работы? Кроссворды надо решать, говорят, помогает...

– Как это – не помню? – обиделась Надежда. – Перфильева я очень хорошо помню!

Алексей Петрович Перфильев был у них в институте личностью по-своему уникальной. Он женился. И делал это с завидным постоянством через некоторые промежутки времени. Дискретный промежуток составлял семь лет. Плюс-минус несколько месяцев.

Начал он сей процесс довольно рано, сразу после окончания института. Невесту взял свою, из бывшей группы. Сыграли шумную студенческую свадьбу, после чего молодые зажили у родителей в проходной комнате малогабаритной квартиры. В течение семи лет в семье не происходило ничего особенного, как у всех – ребенок родился, квартиру получили. По прошествии этого срока Перфильев неожиданно развелся и женился на девушке из соседней лаборатории, которая была его моложе на пять лет.

Никто особо не удивился – дело житейское, по молодости не разобрался, ошибся, а теперь, в тридцать лет, нашел свою половинку. Тем более что вел себя Перфильев при разводе очень прилично, оставил жене и ребенку двухкомнатную квартиру, а сам ушел к молодой жене в коммуналку.

Потекли годы. Работу Алексей не менял, так что постоянно находился на глазах общественности. Поначалу, надо сказать, ничего особенного не происходило. Перфильев окупился в работу, получил повышение и взял кредит в кассе взаимопомощи, чтобы выстроить кооператив. Удалось влезть в очередь, и через два года въехали они в новую квартиру уже втроем – лаборантка родила ребенка. И снова никто не удивился – все как у всех, дело житейское.

После положенного декретного отпуска лаборантка в институт не вернулась – пошла работать воспитателем в садик, чтобы поближе к ребенку.

И вот, когда минуло семь лет их брака, Перфильев неожиданно для всех развелся и женился на молодом специалисте. Та как раз отработала положенные по закону три года после института и собиралась увольняться, но теперь передумала, сообразила, что негоже оставлять мужа без присмотра.

Общество пожало плечами, но жалоб от лаборантки не поступало, поскольку Перфильев по привычке оставил прошлой жене и ребенку кооперативную квартиру и стал со своей молодой специалисткой снимать жилье. Она сама была из провинции и до брака жила в общежитии.

Перфильев снова окупился в работу, стал мелким начальником, но, поскольку с кооперативами во время перестройки дело заглохло, ему удалось выбить участок под застройку. Участок был в хорошем месте, недалеко от города, и молодая жена загорелась идеей выстроить загородный дом. Детей у них не было – то ли она не хотела, то ли Перфильев, зная уже про свой семилетний цикл, решил не заморачиваться.

Годы катились незаметно, у каждого были свои заботы, Перфильев говорил исключительно про стройматериалы, и вот наконец дом был выстроен, и весь отдел пригласили на новоселье. Все шумно восхищались и подарили Перфильеву напольную вазу, а буквально через полгода он развелся и женился на специалисте по ландшафтному дизайну. Жене, теперь уже бывшей, захотелось устроить сад, да не абы как, а по науке. Пригласила человека из фирмы. Лучше бы она этого не делала!

Но Перфильев, как всегда, поступил исключительно благородно – оставил ей загородный дом, а сам ушел к дизайнерше в старую, захлавленную квартиру, где она проживала с родственниками вшестером – она сама, брат с женой и ребенком, теща и престарелая бабушка за шкафом. Перфильев стал седьмым жильцом – эта цифра, судя по всему, была для него знакомой. Кстати, дизайнерша была моложе Перфильева лет на пятнадцать.

В общем, Перфильева институтская общественность не осуждала – к тому времени никому ни до кого не было уже дела. Произошло это, как сейчас вспоминает Надежда, семь лет назад, так что самое время сейчас было Перфильеву жениться по новой. Надежда помнит еще, что через некоторое время случилось в большой семье, куда влился Перфильев, сенсационное событие. Вначале умерла бабушка. Само по себе это событие никого не заинтересовало – старуха давно уже была в глубоком маразме. Но никому не доставляла хлопот, не капризничала, а только весь день перебирала какие-то стекляшки у себя за шкафом, доставая их из дешевой шкатулки, инкрустированной ракушками. Старуху не обижали, ухаживали за ней, но особенно не интересовались. Вообще семья была удивительно дружная, это доказывает то, что Перфильева в свое время приняли в нее, руководствуясь принципом «В тесноте да не в обиде».

Старуху похоронили и через некоторое время приступили к ее немногочисленным пожиткам. Тот самый шкаф, за которым она пряталась много лет, хотели выбросить, но Перфильев поглядел на него задумчиво и на всякий случай привел знакомого антиквара. Антиквар шкаф не одобрил, сказал, что особой ценности он не представляет, но когда увидел «стекляшки», с которыми играла племянница ландшафтной дизайнерши, глаза у него буквально полезли на лоб. Он немного понимал в ювелирном деле, засуетился, выпросил одну штучку на пробу, и через некоторое время оказалось, что заветная шкатулочка наполнена самыми настоящими бриллиантами, причем чистой воды. Как они оказались у старухи, никто не знал. Более того, в семье не помнили даже, кем эта старушенция им приходилась. Так или иначе, брилли-

анты пустили в дело, хватило на всех. Перфильев с женой купили себе большую квартиру в центре.

Нельзя сказать, что сотрудники за него порадовались, но никто особенно не завидовал. А потом Надежда уволилась и потеряла Перфильева из виду.

– Да помню я его отлично! – повторила она. – Ну надо же, какой у него облом с последней невестой вышел...

– Ты слушай дальше! – откровенно веселилась Милка. – Значит, послала его несостоявшаяся пятая жена, а жить-то где-то надо! Он – обратно к четвертой, которая ландшафтный дизайнер. А она говорит – фиг тебе, ушел так ушел, квартиру мне оставил так оставил. Я, говорит, замуж выхожу, муж у меня молодой, ему уют и комфорт нужен. Квартира, говорит, на мои деньги куплена, ничего не знаю! В общем, послала подальше открытым текстом.

– А он что? – Надежда поудобнее уселась на диване.

– А он тогда к предыдущей жене, которая в загородном доме, – так и так, прими меня обратно. Если не в мужья, то хоть пожить дай – дом большой, места много...

– Нахал какой! – возмутилась Надежда.

– Жить-то надо! – резонно заметила Милка. – Но только ничего у него не вышло, потому что жена та после развода работу бросила и занялась строительством загородных домов, поднаторела в этом деле, пока свой строила. И этот свой дом пустила под офис. Так что жить там негде. А сама она живет у любовника, он же компаньон ее, вместе дела ведут, вместе живут – так удобнее.

– И куда же наш горемыка подался? – усмехнулась Надежда.

– А куда? Ясное дело, к предыдущей жене, которая лаборанткой у нас работала. А там сын уже вырос – здоровый такой. Как увидел папочку на пороге, чуть ему в морду не засветил. Алексей-то наш Петрович как ушел от той жены, так про сына и не вспомнил. То ли у него принцип такой – оставил квартиру – и все, больше ничего не просите, а скорей всего, просто не до того ему было, это если со всеми бывшими женами отношения поддерживать, то совсем запутаешься.

– Но сын все-таки, дети-то при чем... – укоризненно заметила Надежда.

– Ну, такой уж он человек! – вздохнула Милка. – В общем, еле ноги он унес, от сына-то. И поехал напрямик к самой первой жене. И можешь себе представить, она его приняла!

– Да ты что? Зачем он ей сдался?

– А она, понимаешь, тоже стала деловой женщиной. Фирма у нее компьютерная, дочка давно замужем, живет отдельно. Квартира большая, ее вечно дома нету. Пускай, говорит, хоть кто-то дома встречает. Опять же, давно хотела собаку завести, да жалко было животное – помрет от скуки. А теперь Леша будет с собачкой гулять. Опять же по магазинам... готовить научится... Только условие ему поставила – с работы уволиться и заниматься только домашними делами. Будешь, говорит, жить у меня в хороших условиях на всем готовом, но чтобы в хозяйстве полный порядок был. Если что не так – спрошу по всей строгости.

– И он согласился?

– А куда деваться-то... Теперь она с работы приезжает, а он ее в прихожей встречает, только что тапочки в зубах не несет. Отомстила, в общем, ему первая жена по полной программе. Вот такая история... – посмеивалась Милка. – А ты что звонила?

– Да так просто... поболтать.

Надежда собиралась повесить трубку в полной уверенности, что, если бы неизвестный Кондратьев когда-либо работал в их институте, Милка бы обязательно знала о его смерти. Значит, нечего и спрашивать.

– Да, Надя, – спохватилась Милка, – тут с этой болтовней совсем забыла. Мне Ленка Селиванова звонила, помнишь ее?

– Да, конечно, помню! – обиделась Надежда. – Что уж ты меня старушкой беспамятной представляешь...

– Она теперь издательство свое организовала, ей люди нужны. Редактором можно – либо дома, либо на неполный день, в общем, сама с ней поговори. Я-то не пойду, только устроилась...

– Ну, давай телефон, – согласилась Надежда, – муж против, чтобы я работала, но узнать можно.

– Хорошо тебе, – вздохнула Милка, – мне бы такого мужа. Ладно, пиши, это служебный, а издательство называется «Норд-Вест», Ленка там директором.

Распрощавшись с Милкой, Надежда посидела в задумчивости, помотала головой, надеясь, что от этого придут в эту самую голову плодотворные идеи. Ничуть не бывало.

– Кондратьев, Кондратьев... – бормотала она, – где я могла с ним пересекаться...

Тут ее осенило. Кажется, когда-то давно, в детстве, они снимали дачу, и в том же доме жила семья Кондратьевых. Ну да, и мальчик у них был, чуть постарше Надежды, кажется Леша...

Чтобы уточнить, нужно позвонить матери.

– Мам, ты как? – начала она. – Все в порядке?

– Как и всегда, – невозмутимо отозвалась мать, она никогда не жаловалась на здоровье, а самое главное – была общительна и необыкновенно сильна духом.

В свои семьдесят с хвостиком она была бодр и энергична. Иногда даже слишком, как осторожно замечал Сан Саныч. Вообще, по наблюдению Надежды, он свою тещу немного побаивался.

– Тебе не холодно? – продолжала Надежда. – У вас наконец включили отопление?

– Не включили, но мне не холодно, – последовал лаконичный ответ, – я привыкла.

Мать не любила тратить время на бесполезные разговоры по телефону, в этом они были с Надеждой солидарны.

– А...

– Надя! – решительно прервала ее мать. – Если ты хочешь мне что-то сказать, то говори! Быстро и четко! А так болтать мне некогда, у меня пилатес через полчаса!

– В прошлый раз, кажется, была гимнастика ци гун... – пробормотала Надежда.

– И что? – холодно поинтересовалась мать. – Что тебя не устраивает в моей жизни? Вроде бы сама себе хозяйка, у вас помощи не прошу, сама управляюсь...

Это было не совсем так, но Надежда решила не уточнять.

– Ладно, помнишь, мы в Подосиновке дачу снимали? – быстро спросила она. – Я в пятый класс перешла... Там еще дом был старый возле мельницы...

– И не в пятый, а шестой... – ответила мать без запинки, – ты еще тем летом с чердака свалилась, руку ушибла...

– Точно... – Надежда вспомнила, что на тот чердак они как раз и лазали с мальчиком Лешей, котенка искали.

– Этот Леша... ну, он, в общем... – осторожно продолжала она, – ты только...

– Какой Леша? – перебила мать. – Говори толком, кого ты имеешь в виду!

– Того мальчика, соседа. Его семья снимала дачу рядом, – Надежда решила отбросить всякие антимонии, – вспомни, их фамилия была Кондратьевы...

В трубке установилось недолгое молчание, и Надежда тотчас пожалела о звонке матери.

– Надежда, – в голосе матери было огорчение, – ты должна обратить серьезное внимание на свое здоровье! В твоём возрасте такая беспамятность – это уже клиника!

Мать никогда не стеснялась в выражениях, особенно доставалось Надежде.

– Фамилия этих людей не Кондратьевы, а Кондрашовы! – безжалостно продолжала мать. – И мальчика звали Леня. Леня Кондрашов, он сейчас в Штатах читает лекции по математике. Мне прошлой весной звонила Александра Михайловна.

Надежда смутно припомнила, что это была Ленина мама тетя Шура.

– Ну, надо же... – протянула она, – а мне почему-то казалось, что он Леша.

– Надя, это уже серьезно! – Мать сделала вид, что обеспокоилась. – Ты должна обратиться к врачу! Или хоть витаминов попей, для памяти. Нужно стихи учить...

– Кроссворды решать... – поддакнула Надежда, она наконец решила обидеться.

– Да, вот ты не любишь кроссворды, а я считаю, что они очень помогают! Кстати, подскажи мне обувь из пяти букв, сразу предупреждаю, туфля не подходит!

– Сапог! – брякнула Надежда и не удержалась от ехидного замечания: – Ты же на пилатес торопишься...

– Ой, правда! – И мать, не прощаясь повесила трубку.

– Все плохо, – сказала Надежда коту, – никто про этого Кондратьева ничего не знает.

Кот поглядел равнодушно, у него были свои заботы – срочно выкусить отвратительно пахнущую шерсть.

Против обыкновения муж не стал выговаривать Надежде по поводу кота, очевидно, разорванные обои произвели на него соответствующее впечатление. Бейсик очень старался, но не смог привести себя в порядок к вечеру, так что Сан Саныч даже выгнал его из семейной постели – уж очень кот вонял растворителем, спать было невозможно. Кот с таким положением вещей был категорически не согласен, он долго и жалобно мяукал у дверей, потом опрокинул что-то на кухне – в общем, у Лебедевых выдалась веселая ночь.

К утру Надежда решила, что пойдет завтра на эти треклятые похороны хотя бы для того, чтобы выяснить, кто же такой Кондратьев. В противном случае она никогда не успокоится – все будет вспоминать, кем же он ей приходится.

От площади Мужества к городскому крематорию каждые двадцать минут ходит рейсовый автобус. Пассажиров этого автобуса не спутаешь ни с какими другими. Среди них попадаются заплаканные женщины в черных шалих, мрачные мужчины с растерянностью в глазах, группы родственников и сослуживцев, переговаривающихся вполголоса и сохраняющих постное выражение лица. И цветы, цветы, цветы – астры и гвоздики, георгины и гладиолусы, в зависимости от сезона...

На этом автобусе Надежда Николаевна доехала до ворот крематория, прошла в толпе скорбящих родственников по широкой аллее, кутаясь в темный шарф, поднялась по ступеням огромной лестницы и вошла в холл крематория.

За стеклянными стенами здания золотились березы и липы, пламенели клены. Но Надежде было не до этих сезонных красот бедной северной природы. Она хотела выяснить, на чьи же похороны все-таки пришла, и по возможности найти знакомых.

Первым делом она подошла к стенду с расписанием траурных мероприятий на текущий день и прочла короткий список. В двенадцать часов в большом зале начиналось прощание с С. С. Свинтицким; в среднем зале номер один – с М. Ю. Казаковым, в среднем зале номер два – с И. П. Сопрыкиной...

Прочитав список почти до конца, Надежда наконец нашла нужную фамилию. В малом зале номер три на это же время было назначено прощание с А. И. Кондратьевым.

Сотрудница крематория сообщила Надежде, что зал номер три находится на первом этаже слева, в конце короткого коридора. Надежда отправилась туда и увидела небольшую группу людей, переминающихся перед закрытой дверью траурного зала.

Прежде чем смешаться с этой группой, Надежда Николаевна внимательно ее осмотрела, пытаясь найти среди родственников и друзей покойного знакомые лица.

Результат этого осмотра был удручающий, то есть нулевой: ни одного знакомого лица Надежда не обнаружила.

Память на лица у нее была хорошая, можно даже сказать – исключительная. Надежда могла вспомнить всех своих бывших сослуживцев, всех соучеников по институтской группе и даже очень многих – по учебному потоку и курсу; помнила всех своих одноклассников, а с Алкой Тимофеевой, с которой просидела за одной партой с первого класса, до сих пор дружила. Помнила даже Ирку Васильеву, с которой всего один год ходила в младшую группу детского сада. Но она могла поклясться, что среди присутствующих нет ни сослуживцев, ни институтских знакомых, ни одноклассников.

Да и сами «родные и близкие покойного» явно Надежду не узнавали, скользили по ней равнодушными взглядами.

Тогда Надежда от нечего делать стала сама их разглядывать, тем более что людей перед залом номер три было совсем немного.

Первым делом Надежда Николаевна отметила, что среди присутствующих нет вдовы покойного.

Конечно, женщины тут были, женщин на похоронах всегда большинство, и все они, как и сама Надежда, были более-менее в трауре – что-то темное, на голове и плечах какая-нибудь черная шаль или хотя бы просто шарф. Но ни одна из них не была в той степени безутешного горя, по какой можно определить женщину, только что потерявшую мужа или сына. Кроме того, вдова всегда держится наособицу, она является как бы центром траурной группы, держится в первых рядах, поближе к двери, все прочие смотрят на нее с особенным выражением, в котором сочувствие соединяется с некоторым почтением. Непременно кто-то поддерживает ее под локоть и шепчет бесполезные слова утешения.

Впрочем, в этой группе была одна женщина, миниатюрная брюнетка в черной вязаной шали, которую поддерживали под локти, даже с двух сторон – справа рослый мужчина с тяжелым подбородком, в длинном черном пальто, слева – худощавая женщина с острым носом и мелкими чертами лица.

Впрочем, эта брюнетка никак не подходила на роль вдовы, поскольку держалась в стороне, подальше от двери траурного зала, и явно не старалась привлечь к себе общее внимание. И на ногах брюнетка стояла крепко, падать в обморок явно не собиралась, совершенно незачем было держать ее так сильно.

Кроме этой странной брюнетки и ее сопровождающих, возле третьего зала было еще человек десять. Обращал на себя внимание толстый подвижный человек лет сорока, с выпуклыми темно-кариими глазами, который ни на секунду не оставался в покое. Он то смотрел на часы, то застегивал или расстегивал пуговицу на воротнике, то подходил к кому-нибудь и задавал бессмысленные вопросы: когда же наконец начнут и сколько можно ждать?

Кроме него, Надежда Николаевна обратила внимание на высокую крупную женщину в темной, далеко не новой куртке, которая что-то шептала, словно разговаривала сама с собой.

– Вы из Союза? – раздался вдруг рядом с Надеждой бархатный голос.

Надежда вздрогнула, повернулась и увидела высокого пожилого мужчину в старомодно-элегантном пальто.

Она поняла, что это – один из родственников или друзей покойного, который интересуется, кто она такая и что делает на похоронах.

– А? Я... да... я его знала по работе... – промямлила Надежда невразумительно.

– По работе? – переспросил старомодный мужчина, и брови его удивленно полезли на лоб.

Он хотел еще что-то сказать, но в это время двери траурного зала распахнулись, оттуда вышла женщина средних лет с выражением дежурной скорби на лице и проговорила гнусавым простуженным голосом:

– Прощающиеся с Кондратьевым, заходите!

Надежда, таким образом избавленная от дальнейших расспросов, облегченно вздохнула и вошла в зал, постаравшись встать в заднем ряду и подальше от старомодного мужчины с его неуместными расспросами.

Посреди зала возвышался гроб (довольно скромный), в котором, среди обычных в таких случаях цветов, покоился мужчина с седоватыми волосами и аккуратно подстриженными усами.

Сотрудники похоронного бюро потрудились над его лицом, и он выглядел вполне свежим и жизнерадостным для покойника. Но как Надежда Николаевна ни вглядывалась в это лицо – она не могла его узнать, и в душе ее с каждой минутой крепло убеждение, что она никогда не встречалась с покойным.

«А в таком случае что я здесь делаю?» – в который раз задавала она себе бессмысленный вопрос.

Родственники и знакомые Кондратьева заняли места вокруг гроба.

Сотрудница крематория вышла вперед, достала мятую бумажку и заговорила своим простуженным голосом, время от времени косясь в свои записи.

– Сегодня мы прощаемся с Иваном Алексеевичем... извините, Алексеем Ивановичем Кондратьевым. Алексей Иванович прожил трудную, но насыщенную, полную событий жизнь. Он был... – она уставилась в бумажку и неуверенно проговорила, – известным писателем, сделавшим свой скромный, но заметный вклад в отечественную литературу...

«Известным писателем?» – удивленно подумала Надежда. – Никогда о таком не слышала!»

– Алексей Иванович, – продолжала служительница, – любил людей, его всегда окружали друзья...

«Тогда почему так мало людей пришло на похороны, – невольно подумала Надежда Николаевна, – и почему никто из этих якобы многочисленных друзей не взял на себя произнесение траурной речи вместо этой простуженной мымры?»

Эта мысль отвлекла ее от прощальной речи, и она снова начала слушать, когда та подходила к концу.

– Ему много пришлось путешествовать по нашей стране, – продолжала мымра. – Он много видел, это оставило заметный след... а теперь, может быть, кто-то из друзей и родственников покойного скажет о нем несколько теплых слов?

Вперед выкатился тот толстяк с выпуклыми глазами, который перед началом церемонии никак не находил себе места. Видимо, он и сейчас вышел вперед только для того, чтобы не оставаться на месте.

– Вот вы сказали, – он обвиняющим жестом ткнул в простуженную мымру, – вы сказали, что Алексей оставил скромный вклад... так вот это не так! Это совсем не так!

– Что мне написали, то я и сказала! – проворчала служащая. – Я человек маленький...

– Вот именно! – воскликнул толстяк. – Все у нас так рассуждают – мол, я человек маленький, с меня никакого спроса... а между прочим, Алексей Иванович в своем творчестве уделил большое внимание проблемам таких вот маленьких людей, продолжая гоголевскую традицию в нашей литературе... как известно, все мы вышли из «Шинели» Гоголя, но кто-то пытается ее перелицевать на потребу времени, кто-то хочет сшить из нее модное пальто для своей жены, кто-то подгоняет эту шинель по собственной фигуре. Но Алексей Иванович выделялся из общего ряда, он не только сделал темой своего творчества жизнь незаметного человека разных эпох, но и сам старался остаться незаметным, неизвестным широкой публике. Он до такой степени прятался от публики, что даже поклонники и почитатели его таланта не знали

его в лицо... когда я обратился к нему, чтобы взять интервью для одного из ведущих журналов...

Тут из рядов участников церемонии выдвинулся тот самый пожилой мужчина в старомодном пальто, который незадолго до того приставал к Надежде с расспросами. Поиграв бровями, он проговорил своим бархатным голосом:

– Многоуважаемый Андрей Арнольдович! Мне кажется, здесь не время и не место обсуждать вопросы современной литературы, тем более – пестовать свои сомнительные амбиции. Думаю, присутствующим не интересны ваши переживания по поводу несостоявшегося интервью. Мы собрались здесь не для этого, мы собрались, чтобы отдать последний долг Алексею Ивановичу...

– Вот именно! Отдать ему долг! – кипятился толстяк. – Более того – восстановить справедливость!

– Не будем превращать панихиду в балаган! – Пожилой мужчина оттеснил его от гроба и начал обычную похоронную речь, перечисляя достоинства покойного.

Надежда Николаевна не очень вслушивалась в эту речь, она думала, как ее угораздило попасть на похороны совершенно незнакомого человека и как бы побыстрее отсюда сбежать, не нарушая при этом приличий.

По всему выходило, что придется дотерпеть до конца церемонии. Тем более что сотрудница крематория уже поглядывала на часы, значит, до конца гражданской панихиды осталось немного времени.

Когда вальяжный господин закончил свою речь, ведущая заняла его место и своим простуженным голосом предложила присутствующим проститься с покойным. Участники церемонии послушно потянулись к гробу. При этом миниатюрная женщина с двумя спутниками оказалась одной из последних, так что Надежда окончательно убедилась, что она не вдова и не близкая родственница покойного. Сама Надежда подошла к гробу последней, прикоснулась к голубой обивке и, как только представилась такая возможность, покинула зал.

Участники панихиды потянулись к выходу из крематория.

Прежде чем уйти, Надежда решила посетить туалет. Ей хотелось вымыть руки после того, как прикасалась к гробу. Как-то это все же неприятно... тем более чужой совершенно человек. Кроме того, следовало причесаться и подкрасить губы – теперь уже можно, грустная церемония позади.

По прежним посещениям крематория она помнила, где находится то, что ей нужно. Спустившись по лестнице в подвальный этаж, она направилась к двери с женским силуэтом. Впереди нее шла все та же миниатюрная женщина со своими двумя спутниками. Так, втроем, они и дошли до двери туалета.

«Они что, и внутрь поведут ее под руки?» – подумала Надежда удивленно.

Однако перед дверью мужчина все же остановился, и внутрь вошли две женщины. Надежда хотела было войти следом, но тут мужчина шагнул ей навстречу и проговорил:

– Вы случайно не племянница Анны Владимировны?

– Что? – Надежда удивленно взглянула на него. – Нет, не племянница.

– А как здоровье Анны Владимировны?

– Понятия не имею. – Надежда пожала плечами. – Я же говорю, что я – не ее племянница и вообще не имею к ней никакого отношения. Честно говоря, вообще не знаю, кто это такая.

Она попыталась обойти назойливого мужчину, но тот снова оказался у нее на пути и задал новый вопрос:

– Вы не знаете, как отсюда можно доехать до Васильевского острова?

Надежду очень часто подводило воспитание. Она привыкла отвечать на вопрос, вместо того чтобы послать человека подальше. Вот и сейчас, на мгновение задумавшись, она проговорила:

– Можно на рейсовом автобусе доехать до площади Мужества, а дальше – на метро... но проще, наверное, вызвать такси...

Посчитав, что она сделала все, что могла, Надежда предприняла еще одну попытку провратиться к двери туалета, но настойчивый мужчина опять преградил ей дорогу.

– А где здесь можно купить цветы?

– В киоске на первом этаже... – машинально ответила Надежда. – Да пропустите же меня, наконец!

– Что? Да, конечно... – Мужчина тем не менее стоял перед Надеждой неколебимо, как Гибралтарская скала.

– Последний вопрос, – проговорил он, наморщив лоб. – Здесь есть парковка?

– Понятия не имею! – раздраженно воскликнула Надежда. – Пропустите меня!

Тут дверь туалета открылась, и оттуда вышли две женщины. Мужчина, мгновенно утратив интерес к Надежде, подхватил свою спутницу под руку, и странная троица направилась к выходу.

«Он меня просто задерживал, – подумала Надежда, глядя им вслед. – Не хотел, чтобы я вошла внутрь вместе с ними... но почему?»

Ответа на этот вопрос у нее не было, да и сам вопрос был совершенно пустой, и Надежда Николаевна выбросила его из головы.

Дома ее ждали повседневные заботы.

Кот все еще дулся после истории с краской и отлучения его от семейной постели, обеда не было, а до возвращения мужа оставалось не так уж много времени, и Надежда забыла о странных похоронах.

Впрочем, забыла она о них только до вечера.

Вечером, после ужина, муж устроился на диване с котом. Надежде места не осталось, она не показала, что обижена, и включила компьютер, чтобы проверить электронную почту.

Как она и надеялась, пришло письмо от дочери. Дочь ее жила с мужем-моряком в Северодвинске, так что общение сводилось в основном к телефонным звонкам и электронным письмам.

К письму были приложены фотографии внучки Светочки.

Надежда полюбовалась этими фотографиями, привычно погрустила, что редко видит внуку, и хотела уже выключить компьютер, но тут вспомнила сегодняшние странные похороны и решила узнать в Интернете, кто такой покойный Алексей Иванович Кондратьев.

Поисковая система выдала на ее запрос целый список людей с такими данными. И правда, и фамилия, и имя-отчество самые что ни на есть распространенные.

Тогда Надежда вспомнила, что покойный Кондратьев был писателем, и изменила текст запроса.

На этот раз ответ системы был более конкретным.

Во-первых, ей предложили купить книги писателя Кондратьева в нескольких интернет-магазинах – как в электронной, так и в бумажной форме. Из этих предложений Надежда узнала, что Алексей Иванович – автор как минимум двадцати романов, а также большого числа повестей и рассказов.

Далее она нашла несколько статей в различных изданиях, из которых выяснила много интересного.

Писатель Алексей Кондратьев работал в жанре детектива. Но его романы не попадали ни в один из основных разрядов традиционного детективного жанра.

Они не относились к классическому английскому детективу, в котором несколько человек оказываются в отрезанном от мира уединенном горном отеле, или в кабине лифта, или в самолете, или в вагоне поезда, далее – по списку, одного из них убивают, а все остальные ока-

зываются под подозрением. Следствие в таком детективе ведет хилый чудак – интеллеktуал с массой комплексов и дурных привычек или старушка – божий одуванчик. Каждый из присутствующих по очереди играет роль главного подозреваемого, но в конце концов выясняется, что убийца – самый обаятельный и милый из компании. Все знают, что делать убийцей дворецкого или вообще постороннего человека, который просто проходил мимо, – отсутствие профессионализма и вообще дурной тон.

Не относились романы Кондратьева и к американскому детективу, в котором следователь – здоровенный детина в мятой шляпе, с револьвером сорок пятого калибра в заднем кармане брюк. По ходу расследования он пьет невероятное количество виски, разбивает десяток автомобилей, соблазняет фигуристых блондинок, бьет подозреваемых и свидетелей, они в свою очередь бьют его, и истина выясняется в результате такого взаимного мордобоя.

Также романы Кондратьева не подходили под описание французского детектива, или полицейского романа, в котором следователь – стареющий, вечно простуженный полицейский инспектор или комиссар, а следствие сводится к бесконечным разговорам с консьержками, почтальонами и бакалейщиками.

Несколько ближе эти книги к так называемому «французскому черному роману», или коротко – нуару, в котором все переворачивается с ног на голову, убийца и жертва по ходу повествования могут неоднократно поменяться ролями, и главный вопрос сводится не к тому, кто преступник, а к тому, что, собственно, произошло.

Некоторые критики считали, что Кондратьев писал в жанре мистического детектива. То есть в его романах присутствовала обычная детективная загадка, было убийство и несколько подозреваемых, но для разгадки почти всегда привлекались какие-то мистические силы.

Другие критики утверждали, что Кондратьев – мастер детектива исторического, куда он непременно вставляет элементы мистики, и от этого детектив приобретает несколько иную окраску, но только выигрывает.

Но все без исключения сходились на том, что детективы его буквально наполнены историческими подробностями, как будто автор сам присутствовал в описываемое время в данном месте.

Так или иначе, детективы Алексея Кондратьева пользовались устойчивым спросом искушенных читателей. Хотя они не выходили миллионными и стотысячными тиражами, как у королей и королев жанра, но зато их тиражи не убывали в годы кризиса, ударившего по издательскому бизнесу, а медленно росли.

Кроме жанровой принадлежности его книг Надежда узнала о покойном кое-какую личную информацию. Алексей Кондратьев никогда не был женат, у него не было детей. Но самым удивительным Надежде показался следующий факт.

Нигде, ни на одном сайте, ни в одной статье, она не нашла его фотографии. Кондратьев не отказывался от интервью, но давал их или по телефону, или через компьютер, в форме интернет-диалога. Журналисты называли Кондратьева человеком-невидимкой и считали его загадочное поведение удачным маркетинговым ходом.

Надежда просмотрела все статьи, все ссылки и убедилась, что это не преувеличение: нигде, ни в одном издании, она не нашла фотографий покойного писателя.

Наконец, среди прочих ссылок она нашла сообщение о том, что год назад Алексей Кондратьев получил престижную литературную премию «Бестселлер года».

– Ну уж на вручение премии он должен был явиться! – пробормотала Надежда и отыскивала в популярном поисковике информацию о прошлогодней церемонии.

Она не ошиблась: вручение этой престижной премии освещали многие обычные и электронные СМИ, и все они прислали на церемонию своих фотографов.

Надежда открыла статью в известном интернет-издании и принялась просматривать фотографии.

Она нашла фотографии вручения премии в номинации «Семейная сага» (премию получал необыкновенно толстый мужчина средних лет, с милым личиком вундеркинда-переростка), в номинации «Портрет на фоне эпохи» (эту премию получала сердитая старушка в металлических очках), в номинации «Психологический роман» (здесь был лауреатом дядька лет шестидесяти с твердокаменной внешностью ветерана вневедомственной охраны).

Наконец очередь дошла до вручения премии в популярной номинации «Детектив и триллер».

Надежда открыла следующую страницу сайта, надеясь увидеть там лицо сегодняшнего покойника...

Но не тут-то было.

Вместо лауреата на сцену поднялась миниатюрная женщина в строгом темно-зеленом костюме.

Это была та самая брюнетка, которую Надежда видела на похоронах. Та самая женщина, которую сопровождали двое странных спутников. Сопровождали всюду, вплоть до туалета.

Надпись под фотографией гласила, что сам лауреат, Алексей Кондратьев, не смог явиться на присуждение премии и прислал своего представителя.

Вот так – своего представителя.

И больше никаких пояснений. Ни имени этого «представителя», ни того, кем он, точнее, она приходится Кондратьеву.

Надежда просмотрела отчеты о вручении премии в других изданиях. Она нашла еще несколько десятков фотографий той же самой женщины и даже вполне приличную видеозапись, на которой она поднималась на сцену и от лица Алексея Кондратьева благодарила организаторов премии, а также читателей.

Правда, в одном из изданий она узнала все же нечто важное, а именно – что вручение премии происходило в музее современного искусства «Арт Нуво», не так давно открытом в здании бывшего ликеро-водочного завода на Васильевском острове.

– Надо же! – проговорила Надежда вслух. – А я и не слышала о таком музее!

– Что ты говоришь, Надюша? – сонным голосом отозвался с дивана муж.

– Я говорю, что мы с тобой совершенно не интересуемся современным искусством, – ответила Надежда. – Вот, оказывается, на Васильевском острове уже несколько лет назад открылся новый музей, а мы об этом не знаем!

– Ну, нельзя же объять необъятное... – пробормотал муж, поворачиваясь на другой бок. При этом он неосторожно придавил кота, кот завопил дурным голосом – не столько от боли, сколько от возмущения, Сан Саныч принялся его утешать, начисто забыв про современное искусство. Надежда, однако, про него не забыла и, как только на диване снова воцарились мир и покой, вернулась к теме:

– Так, может, сходим в этот музей?

– Надя, ну у тебя же масса свободного времени, сходи туда без меня, – отозвался муж. – А я много и тяжело работаю, после работы мне только современного искусства не хватало... опять же, коту нужно уделять больше внимания...

– Вот так всегда, – вздохнула Надежда фальшиво.

Она была скорее удовлетворена таким ответом: теперь можно с чистой совестью отправиться в музей и разнюхать на месте все, что удастся. А муж только путался бы под ногами и страдал морально и физически.

На следующий день у Надежды было запланировано множество хозяйственных дел. Погода была хорошая, поэтому она провернула стирку, разгрузила стиральную машину, развеси-

личную порцию фарша – в общем, домашние дела шли своим чередом. И только часам к трем она разделалась с текущими делами и вспомнила о своих вчерашних планах.

Дело в том, что Надежда Николаевна была по природе своей женщиной любопытной. Она не подслушивала под соседской дверью и на даче не наблюдала за соседями в бинокль, не вела учет, кто из сотрудников с кем вышел попить кофе или покурить. Любопытство Надежды было иного рода. Она обожала всякие детективные истории. Всегда старалась в них разобраться, даже если, как говаривал ее муж ехидно, ее никто об этом не просил.

В данном случае все происходящее нельзя было объяснить простой ошибкой. Ну, допустим, по поводу похорон обзванивала всех секретарша из Союза писателей. Но откуда у нее могли взяться координаты Надежды? В жизни не знакома она была ни с одним писателем! И если даже оказалась у них в Союзе другая Надежда Лебедева (всякое в жизни случается), то уж телефон-то Надеждин откуда взялся? Нет, тут что-то не то.

И опять же, эта странная парочка на похоронах – те, что пасли неизвестную женщину. Мужчина, хоть и одет вроде бы прилично, все равно видно, что с криминальным душком, а уж тетке-то только в гестапо и работать. Определенно, следует в этом деле разобраться. И как можно скорее.

– В самом деле, почему бы мне не побывать в этом музее? – проговорила Надежда вслух.

Кот посмотрел на нее с неодобрением и только что не повертел лапой у виска.

– А тебя это совершенно не касается! – строго проговорила Надежда и отправилась одеваться.

Она надела новое светлое пальто, потому что на улице была сегодня удивительно хорошая погода для осени, повязала легкий шарф и осталась вполне довольна своей внешностью.

Музей она нашла без труда.

Здание бывшего завода из красного кирпича стояло позади известного в советские времена Дома культуры, в котором в семидесятые годы прошлого века ленинградская интеллигенция смотрела старые европейские и американские фильмы. На небольшой площади перед музеем красовалась статуя, представлявшая собой огромный поношенный башмак, водруженный на гранитный постамент. По фасаду здания была выведена надпись из сверкающего металла:

«Арт Нуво».

Перед входом было припарковано множество машин, от потертых «Жигулей» до роскошных «Лексусов» и «Мерседесов», имелся даже один золотистый «Бентли».

«Как, однако, тянется народ к современному искусству!» – подумала Надежда, оглядев эту выставку автопрома.

Она подошла к дверям музея и хотела было войти, но неожиданно у нее на пути возник молодой человек в черном костюме, с непроницаемым лицом, и строго осведомился:

– Вы приглашены?

– Приглашена? – удивленно переспросила Надежда. – А что – сюда нужно какое-то специальное приглашение? А просто купить билет и войти нельзя?

– Сегодня нельзя, – холодно ответил привратник. – Сегодня у нас закрытое мероприятие, вернисаж для узкого круга, вход только по приглашениям.

– Ну надо же! – разочарованно протянула Надежда. – Выходит, я зря тащилась сюда через весь город?

– Выходит, зря.

– Ну вот, хотела приобщиться к современному искусству, и ничего из этого не вышло...

Молодой человек ее уже не слушал: он повернулся к толстому бородачу в старомодной замшевой куртке, на локте которого висела юная блондинка, по виду – продвинутая старшеклассница.

– Здравствуйте, Никтаполлеон Строфокамилович! – с почтением проговорил привратник и распахнул двери перед бородачом.

– А ему, значит, можно без приглашения? – проговорила Надежда обиженным голосом.

– Вы что – не знаете, кто это? – Привратник взглянул на нее с плохо скрытым неодобрением.

Вдруг за спиной Надежды раздался удивительно знакомый голос:

– Надька, и ты сюда приехала? Вот молодец!

Надежда удивленно обернулась и увидела своего старого знакомого Игоря Боровикова. Игорь был художник, и довольно известный, а в последнее время стал очень модным. Они знакомы были ужас сколько лет. Раньше дружили, до тех пор, пока его жена Галка, по его же собственному выражению, не сошла с катушек и не возомнила себя светской дамой. Она стала проводить время на тусовках и общаться исключительно с нужными людьми. Надежда к этому кругу не относилась. Но на Игоря она не обижалась, он был хороший человек, талантливый художник и Галкины выверты очень не одобрял.

В данный момент встреча с ним была очень кстати.

– Да вот приехала, – проговорила Надежда жалобно. – А молодой человек меня не пускает, требует какое-то приглашение... – Она покосилась на строгого привратника.

– Игорь Александрович, я же не знал, что дама с вами! – виновато забубнил тот.

– То-то, не знал! – Игорь строго насупил. – А теперь знаешь! – Он сделал руку калачиком, Надежда поспешно вцепилась в его локоть и гордо проследовала мимо посрамленного стража.

– А я тут, представляешь, первый раз! – щебетала она, с интересом оглядываясь по сторонам. – Услышала по радио об этом музее и решила посмотреть... знаешь ведь, как говорят – лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать...

Не успев договорить эту фразу, Надежда растерянно замолчала. Потому что она *увидела* посреди холла, в который вошли они с Игорем, огромный унитаз. Самый настоящий унитаз, только раз в десять больше обычного, рассчитанный на какого-то великана.

– Что это?! – испуганно проговорила она, вцепившись в локоть Игоря.

– Это, Надя, памятник самому важному произведению современного искусства! – важно ответил ей Игорь. – Французский художник-авангардист Морис Дюшан в тысяча девятьсот семнадцатом году выставил в одном из парижских залов такой унитаз, и с этого все и началось! Ведущие искусствоведы нашего времени признали именно унитаз Дюшана самым значительным произведением современного искусства!

– Да? – робко произнесла Надежда, искоса поглядывая на унитаз. – А я думала, Пикассо...

– Ну, искусствоведам виднее! – Тут Игорь выпустил Надежду и бросился навстречу толстому бородачу: – Ника! Ты тоже здесь? Из Барселоны давно вернулся?

Надежда не слишком расстроилась, потеряв своего спутника: теперь у нее были развязаны руки, и она могла осмотреть музей.

Она, как уже сказано, находилась в холле первого этажа, в центре которого возвышался огромный унитаз, а в стороны от него расходились двери залов. В простенках между этими дверями были выведены золотыми буквами изречения деятелей культуры.

«Жизнь коротка, искусство вечно», – прочитала Надежда первое изречение, под которым стояла подпись Гиппократ.

С этим изречением Надежда согласилась, удивившись только тому, что автором его был не художник или композитор, а знаменитый врач древности.

На другой стене она увидела совершенно другое высказывание:

«Искусство – ничто, творчество – все! З. Адорно».

Кто такой З. Адорно, Надежда не знала, но фраза показалась ей сомнительной.

Но еще больше удивило ее третье изречение:

«Творчество – значить, туфта, главное, чтобы в душе все кипело, как в чайнике».

Под этой фразой стояла подпись Н. Собакин. Почему-то Надежда подумала, что это – тот самый бородатый толстяк, с которым сейчас увлеченно разговаривал Игорь. Она удивилась тому, что такое сомнительное и малограмотное высказывание выполнено золотыми буквами на полированном мраморе стен, но решила, что ничего не понимает в современном искусстве, и сунулась в дверь, рядом с которой красовалось изречение Собакина.

За этой дверью оказалось просторное, но очень плохо убранное помещение. Пол в этом помещении был покрыт слоем мусора. Здесь валялись использованные трамвайные билеты, окурки, конфетные фантики, обертки от мороженого и прочие неаппетитные следы человеческой деятельности.

– Безобразие! – проговорила Надежда Николаевна в пространство. – Приличное место, музей, а прибрать не могут! Главное ведь, назначили вернисаж и совершенно не подготовились! Тоже мне, музей, храм культуры!

Она наклонилась, чтобы подобрать какую-то засаленную бумажку, в которую, должно быть, заворачивали жареный пирожок... но тут на нее с визгом налетела рыжеволосая особа средних лет в зеленом форменном пиджаке.

– Женщина! – воскликнула эта особа, оттащив Надежду от груды мусора. – Вы что же это устраиваете? Вы на что подняли руку?

– Руку? – Надежда растерянно уставилась на свою руку. – Да я хотела тут мусор прибрать, раз уж у вас руки не дошли! Вы меня поблагодарить должны...

– Мусор?! – завизжала рыжеволосая особа на грани истерики. – Это выдающееся произведение искусства! Это композиция Никтополиона Собакина под названием «Когда б вы знали, из какого сора...»! Мастер трудился над ней несколько месяцев, эта композиция – одно из главных сокровищ нашей коллекции, гвоздь сегодняшнего вернисажа, а вы кощунственно подняли на нее руку! Страшно подумать, что случилось бы, если бы я не успела вас остановить!

– Думаю, что ничего не случилось бы, и сам Собакин не заметил бы никаких перемен! – пробормотала Надежда Николаевна и поскорее покинула злополучную комнату, пока ей не предъявили еще какое-нибудь обвинение.

После контакта с неаппетитной композицией ей захотелось вымыть руки. В дальнем конце холла она заметила дверь с женским силуэтом и направилась к ней.

За этой дверью все сверкало хромом и кафелем и, к счастью, не было никаких произведений актуального искусства. Надежда привела себя в порядок и хотела вернуться в зал, но в это время дверь открылась, и в дамскую комнату ворвались две женщины. Трудно было представить двух более разных представительниц прекрасного пола. Одна из них была под два метра ростом, с широкими плечами спортсменки и коротко стриженными бесцветными волосами, вторая – на две головы ниже, тощая, как скелет, с курчавыми черными волосами, напоминающими героиню недавнего прошлого Анджелу Дэвис.

Две эти столь разные особы влетели в туалет, сцепившись, как два разодравшихся мартовских кота. Правда, маленькая брюнетка была более шустрой, и пока рослая дама безуспешно пыталась причинить урон ее густой шевелюре, она успела нанести ей несколько чувствительных ударов в разные части тела.

– Будешь знать, стерва, как отбивать у меня мужиков! – визжала брюнетка, молотя соперницу маленькими твердыми кулачками. – Будешь знать!

– Да нужен мне был твой Сорокопатов! – отругивалась гренадерша. – Он сам ко мне липнет, как муха на мед!

– Тоже мне, сладкая ты наша! – выкрикнула брюнетка и пнула соперницу под колено.

– Девушки, успокойтесь! – попыталась Надежда призвать их к порядку. – Мы, женщины, должны...

– А ты вообще отвянь, бабуля! – огрызнулась брюнетка. – Твое мнение тут никого не интересует!

Она отвлеклась на долю секунды, и рослая соперница, воспользовавшись этим промахом, умудрилась вырвать у нее клочок волос.

– Ах, так! – Брюнетка позеленела, вцепилась в юбку гренадерши, дернула...

И случилось страшное: юбка разорвалась или растянулась и осталась в руках торжествующей брюнетки. Та радостно подняла юбку над головой, как знамя разбитого противника, и с победным криком бросилась к двери туалета.

– Отдай! – закричала блондинка и бросилась было в погоню... но перед дверью остановилась, как будто налетела на стену: она осознала, что осталась в сиреневой кофточке и в розовых трусиках в мелкий бордовый горошек. Появиться в таком пикантном виде в зале, полном известных художников и представителей прессы, – это не смерти подобно, это гораздо хуже смерти.

Она опустила руки, развернулась и зарыдала. Слезы лились обильно, как вода с потолка от соседей-алкоголиков.

Надежда Николаевна всегда отличалась способностью принимать близко к сердцу чужое горе. Даже горе совершенно незнакомых людей. Кроме того, внимательно приглядевшись к полураздетой блондинке, она поняла, что где-то уже ее видела, то есть ее нельзя считать совершенно незнакомой.

– Ну, не переживай так! – попыталась она утешить блондинку. – Ты жива, здорова, а все остальное как-нибудь наладится...

– Да, вам легко говорить! – прорыдала несчастная блондинка. – Вы вон в костюме, хоть и в плохоньком, а я без юбки! – И она снова залилась слезами.

– Ну почему плохоньком? – обиделась Надежда. – Хороший костюм, немецкий... почти новый...

Блондинка, однако, не слушала ее, она рыдала.

– Подожди, что-нибудь придумаем... – пробормотала Надежда, хотя ее несколько задело то, как эта блондинка высказалась о ее любимом костюмчике.

– Что тут можно приду-умать... – рыдала блондинка. – Повеситься и то не на чем... разве что утопиться... – И она выразительно посмотрела на унитаз.

– Ну, это уж ты чересчур... да и не влезешь ты в него, рост велик. Вот твоя соперница бы вошла...

При этом блондинка, осознав, что злобная брюнетка где-то там, в зале, охмуряет предмет их спора, какого-то Сорокопята, зарыдала еще сильнее.

– Да не реви ты! – Надежда Николаевна огляделась по сторонам, не нашла ничего подходящего и, пробормотав: – Подожди немножко, – выскользнула из туалета.

Высочив в зал, Надежда огляделась по сторонам.

За время ее отсутствия зал наполнился гостями. Тут и там клубились группы модных художников со спутницами и столь же модных искусствоведов, между ними шныряли акулы пера, надеясь подслушать или подглядеть какую-нибудь сенсационную новость.

Отличить эти три группы посетителей не составляло труда даже такому дилетанту, как Надежда Николаевна: художники были одеты нарочито просто, в какие-нибудь живописные свитера и кофты ирландской ручной вязки, искусствоведы – гораздо аккуратнее и скучнее, в основном они щеголяли в костюмах и пиджаках, вышедших из моды лет десять назад, журналисты же, а особенно журналистки, красовались в обновках, купленных в Милане на последней Неделе высокой моды (разумеется, не в бутиках знаменитых дизайнеров, а в маленьких окраинных лавочках, где за гроши можно приобрести копии дизайнерских нарядов, почти неотличимые от оригинала).

Среди всей этой разношерстной публики с невозмутимым видом прохаживались официантки с подносами, на которых стояли бокалы шампанского и других напитков. Официантки были все как одна чернокожие, и одеты они были, как когда-то одевались их предки на своей исторической родине – в коротенькие юбочки из пальмовых листьев и в цветочные гирлянды.

Надежда протискивалась среди этой разношерстной публики, мучительно раздумывая, где раздобыть юбку для несчастной блондинки, оплакивающей свою участь в туалете. Проблема осложнялась еще тем, что блондинка была высокого роста и крупного телосложения, так что ей подошла бы далеко не всякая юбка...

Внезапно раздумья Надежды Николаевны были прерваны громким окликом:

– Надюха, ты куда пропала?

Она вздрогнула от неожиданности, обернулась и увидела Игоря, который пробирался к ней, держа в каждой руке по бокалу.

– Ты куда пропала? – повторил он, протягивая один из бокалов Надежде. – А я тебя всюду ищу... понимаешь, хотел тебя познакомить с одним интересным человеком. Представляешь, он работает в необычной области и, когда я ему рассказал про твои детективные способности, очень заинтересовался...

– Ну уж, ты скажешь! – смутилась Надежда. – Какие там способности! Так, инженерская привычка сводить концы с концами... И вообще, Игорь, мы же договорились, что ты не будешь об этом болтать! – Она нахмурила брови: – Дойдет до мужа, и мне будет очень плохо!

– Пойдем, я тебя с ним познакомлю, вам будет о чем поговорить, – не сдавался Игорь и уже потащил Надежду в другой конец зала.

Надежда ни с кем не собиралась знакомиться, кроме того, она помнила, что в туалете ее дожидается несчастная жертва ревности, и беспокоилась, как бы та от отчаяния не совершила чего-нибудь непоправимого. Она пыталась выдумать какой-нибудь благовидный повод, чтобы отделаться от Игоря, но тут он сам внезапно отпустил ее.

Дело в том, что навстречу ему шел высоченный детина, до самых глаз заросший черной бородой. Даже на фоне здешней колоритной публики он выглядел необычно: вместо пиджака или свитера на нем была надета рубаша из грубо выделанной оленьей кожи, расшитая бисером и украшенная ожерельем из волчьих зубов.

– Здорово, Игореша! – завопил этот детина и обнял Игоря, едва не задушив его.

– Здорово, Геша! – в тон ему отозвался полузадушенный Игорь. – Отлично выглядишь! А я думал, что ты все еще у папуасов...

– Да я от папуасов, Игореша, еще весной уехал, что там у них делать, скука смертная! С тех пор, Игореша, я был у эскимосов! Вот где виды, вот где экзотика! Вот где пейзажи потрясающие! Привез восемьсот работ, скоро выставку открою...

Игорь явно забыл про свою спутницу. Надежда Николаевна воспользовалась удачным моментом, юркнула в толпу и ускользнула в другой конец зала.

Тут она увидела нечто крайне ее заинтересовавшее.

Это было окно, точнее, закрывавшая это окно занавеска из плотного темно-зеленого шелка.

Занавеска была достаточно длинная и широкая, так что из нее вполне можно было соорудить не только юбку, но даже вечернее платье для несчастной блондинки. Нужно было только незаметно снять ее с окна и пронести в туалет.

Надежда огляделась по сторонам, убедилась, что на нее никто не смотрит и, встав на цыпочки, дотянулась до верхнего края занавески. То есть почти дотянулась – ей не хватило для этого каких-нибудь десяти сантиметров.

Она завертела головой, выискивая что-нибудь, на что можно встать, чтобы компенсировать недостающие сантиметры. Тут ей на глаза попалась обычная урна для мусора, такая, какие раньше стояли на каждом углу. Правда, Надежду немного смутило, что эта урна стоит в выста-

вочном зале, на самом видном месте, но она отнесла это на счет общего беспорядка и взялась за урну, с немалым трудом подтащила ее к окну и уже попыталась на нее вскарабкаться...

И тут на нее с криком обрушилась уже знакомая рыжеволосая особа в зеленом пиджаке.

– Я за вами давно наблюдаю! – кричала она, оттаскивая Надежду от урны. – Вы сюда нарочно пробрались, чтобы нанести урон нашим бесценным экспонатам!

– Это что – тоже экспонат? – растерянно проговорила Надежда, разглядывая урну.

– Разумеется! – верещала рыжеволосая, выпучив глаза. – Это произведение Автандила Ломакина «Что наша жизнь...»! Выдающийся образец актуального искусства, а вы на нее подняли руку... точнее, ногу!

– Да кто же ее знал, что она образец! – покаянно пробормотала Надежда. – У вас тут шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на какую-нибудь композицию!

Рыжеволосая особа раздумывала, как поступить с нарушительницей порядка, но тут ее окликнул кто-то из коллег, сообщив, что двое журналистов с подозрительными целями проникли в зал, где расположена мусорная композиция Собакина.

Рыжеволосая ахнула и умчалась, мгновенно забыв про Надежду.

Однако в сложившихся обстоятельствах снять с окна занавеску было затруднительно, потому что поблизости ошивался кто-то из служителей, подозрительно поглядывая на Надежду.

Надежда мысленно показала ему язык и двинулась сквозь толпу, раздумывая, чем еще можно заменить юбку.

Навстречу ей попала чернокожая официантка с подносом. Надежда машинально взяла с подноса бокал и оглядела стройную фигуру официантки, едва прикрытую юбочкой из пальмовых листьев.

И тут у нее в голове словно молния сверкнула.

Вдоль стен зала тут и там были расставлены пальмы в кадках. Уж они-то явно не являлись произведениями искусства и экспонатами музея, а были обычными комнатными растениями.

И их листья вполне подходили для того, чтобы соорудить из них африканскую юбочку. Причем любого размера – размер зависит только от того, сколько листьев пойдет на юбку.

Надежда выбрала развесистую пальму, которая стояла рядом с дверью туалета, и пробралась к ней как можно ближе.

Оказавшись рядом с пальмой, она принялась методично обрывать ее листья, выбирая те, которые уже начали вянуть.

Ее деятельность и на этот раз не осталась незамеченной. К ней подошел мужчина в таком же, как на рыжеволосой служительнице, зеленом пиджаке и осведомился:

– А что это вы тут делаете?

Надежда придала себе уверенный вид человека, занятого общественно полезным трудом, и спокойно ответила:

– Провожу профилактическое ощипывание!

– Что? – удивленно переспросил служитель.

– Вы видите, что некоторые листья уже начали вянуть? Это из-за недостатка солнечного света. Если их своевременно не ощипать, процесс увядания перекинется на здоровые листья, и вы глазом не успеете моргнуть, как вся пальма завянет! Вы этого хотите?

– Я? Да нет, не хочу... – неуверенно пробормотал мужчина.

– А если не хотите, так не мешайте мне работать!

– Так вы что – из «Райского сада»? – спросил служитель, понемногу сдавая позиции.

– Да, из сада! – ответила Надежда Николаевна, с остервенением отрывая от пальмы очередную лист.

– А что – нельзя было провести это самое... пощипывание в другое время, когда у нас нет мероприятия?

– Меня послали – я работаю! И работаю исключительно в свое рабочее время! А если вам не нравится – обращайтесь к моему начальству!

Мужчина в зеленом махнул рукой и удалился, решив не связываться с настойчивой цветоводшей.

Надежда оторвала еще пару листьев, решила, что ее добычи хватит на целое африканское племя и скрылась с листьями за дверью туалета.

Здесь она увидела несчастную блондинку, которая рыдала, обхватив унитаз.

– Эй, кончай лить слезы! – окликнула ее Надежда.

– Оставьте меня в покое! – отмахнулась блондинка. – Дайте спокойно умереть!

– Смерть отменяется! – перебила ее Надежда. – Прибыла «Скорая помощь»!

Блондинка еще раз всхлипнула, замолчала и оглянулась. Увидев Надежду, она проговорила:

– А, это вы... а я уж думала, что вы не вернетесь! Думала, вы это просто так сказали...

– Я никогда слов на ветер не бросаю! Раз обещала вернуться – непременно вернусь... и вот, принесла тебе материал на юбку.

– Где? – Девушка уставилась на пальмовые листья и удивленно заморгала. – Это еще что за дрянь?

– Это не дрянь, а отличный, экологически чистый материал! Тысячи лет назад наши предки носили только это!

– Но я-то не питекантроп... не питекантропка!

– Ну и что? Вон, видела, в зале официантки ходят – очень даже неплохо смотрятся!

– Но я и не официантка... – пробормотала девушка без прежней убежденности.

– Ну, ты даешь! – возмутилась Надежда. – Только что хотела утопиться в унитазе, а когда тебе предлагают реальный выход – тебя, видите ли, фасон не устраивает! Да я тебе говорю – завтра такие юбки войдут в моду! Ты будешь первооткрывательницей нового стиля!

– Вы думаете? – Блондинка задумчиво наморщила лоб, приложила к себе листья и встала перед зеркалом. – А что, пожалуй, в этом что-то есть... если вот здесь сделать покороче... только как это закрепить?

– Я тебе помогу...

Надежда Николаевна всегда носила при себе несколько булавок – так, на всякий случай. И теперь эти булавки оченьгодились, чтобы закрепить конструкцию из пальмовых листьев на талии блондинки.

Надежда помогала сооружать юбку и в то же время приглядывалась к девушке.

– Слушай, – сказала она после длительного раздумья, – где я тебя могла раньше видеть? Что-то мне твое лицо удивительно знакомо!

– Где? – переспросила девушка. – Да где угодно! Я же ведь журналистка, освещаю все культурные мероприятия в городе. Лиля Путова – слышали мою фамилию?

– Лилипутова? – переспросила Надежда.

Она с любопытством оглядела рослую журналистку – уж на кого, а на лилипутку она никак не походила.

– Да не Лилипутова, а Путова! – поправила та. – А зовут меня Лили! Лили Путова!

И тут Надежда вспомнила, где она ее видела.

Просматривая в Интернете материалы о вручении литературной премии «Бестселлер года», она заметила на заднем плане нескольких фотографий коротко стриженную блондинку богатырского роста. А одна из корреспонденций была подписана «Л. Путова».

– Так это, выходит, я тебя видела на «Бестселлере года»! – обрадовалась Надежда.

– Ну, допустим, была я там, – кивнула Лили, оглядывая себя в зеркале. – А что, вроде ничего получилось!

– Очень даже неплохо, – подтвердила Надежда.

– Ой, – спохватилась Лиля. – Спасибо вам, вы меня так выручили, а я вместо благодарности устроила тут сцену...

– Да ничего, ничего, – отмахнулась Надежда. – Кстати, ты меня вполне можешь отблагодарить. Если захочешь, конечно.

– Все что угодно! – обрадовалась Лиля. – Только денег у меня не густо...

– Да не нужны мне деньги! – отмахнулась Надежда. – Мне нужна информация!

– Так вы что – тоже журналистка? – насторожилась девица.

– Да нет, не волнуйся, я совсем по другому делу. – Надежда Николаевна начала на ходу выдумывать правдоподобную легенду: – Понимаешь, я в небольшом издательстве работаю, «Норд-Вест» называется, и нас очень интересует писатель Кондратьев...

– Кондратьев? – Глаза Лили загорелись, как у кошки. – Ну, Кондратьев всех интересует! Только про него никто ничего не знает... то есть не знал. Он ведь умер недавно.

– Вот-вот! А к нам в издательство пришла по электронной почте рукопись романа, подписана – Алексей Кондратьев. Мы попытались с ним связаться, а электронная почта не отвечает. Потом уже узнали, что он умер. Так вот, мне начальник велел выяснить, кто его наследник, кто правообладатель, как вообще узнать, его ли это роман... в общем, все, что удастся.

– Глухой номер! – вздохнула Лиля. – Мне тоже начальница, главный редактор моей газеты, велела все про него выяснить, когда стало известно, что он получит премию «Бестселлер года». Ну, я землю носом рыла – никто ничего про Кондратьева не знает! Пришла на вручение премии, взяла с собой фотографа, думала, хоть там его смогу перехватить, – так что ты думаешь? Он даже на церемонию не пришел! Прислал вместо себя свою секретаршу...

– Да что ты говоришь? – Надежда изобразила изумление, хотя уже знала об этой истории из Интернета. – Неужели секретаршу?

– Ну, не знаю, кто она ему – секретарь, или личный помощник, или девочка на побегушках... хоть про нее мне удалось немножко узнать. На той церемонии было большое городское начальство, поэтому впускали исключительно по документам. Я одного человека из службы безопасности охмурила, и он мне все рассказал. Зовут ее Мария Куропаткина, приехала в Петербург несколько лет назад, работала в издательстве, вот как ты, а потом уволилась оттуда и перешла к Кондратьеву. Мы с фотографом за ней проследили, думали, выведет нас на своего шефа. Но она доехала до дома на Московском проспекте...

– На Московском? – переспросила Надежда.

– Ну да, Московский проспект, дом сто девять, недалеко от Московских ворот. Она вошла туда, через час вышла и поехала к себе домой. Мы потом сверили, по всему выходит, что Кондратьев живет в этом доме, но только никто из соседей его не видел, и сколько мы возле дома ни караулили – результат нулевой...

– Ну, это удивительно! – недоверчиво проговорила Надежда. – Он же не человек-невидимка! Должен же он иногда выходить из дома!

– Ты что, думаешь, я работать не умею? – фыркнула Лиля. – Устроила слезку по всем правилам науки! Три дня плотного наблюдения – и ничего! Правда, узнала по адресу номер телефона, звонила туда, наверное, пятьдесят раз – либо никто не берет трубку, либо поднимает эта самая Куропаткина, и на все вопросы отвечает уклончиво. Я, мол, передам, что вы звонили, и уточню насчет интервью, и потом с вами свяжусь. Завтра или на днях. Резину тянет, в общем.

– Понимаю, – кивнула Надежда.

– Ага, так она меня несколько дней все завтраками кормила, а начальница мне говорит: как хочешь, а чтобы было у меня интервью с Кондратьевым и фотографии. Ну, интервью можно как-нибудь состряпать, а фотографии откуда взять?

Лиля выразительно посмотрела на Надежду, как будто ждала от нее ответа. Надежда только пожала плечами.

– Вот то-то! Тогда Владик, фотограф наш, решил попробовать нестандартный подход. Квартира Кондратьева находится на самом верхнем, девятом, этаже, так вот Владик у знакомого альпиниста взял снаряжение, спустился с крыши и попробовал сделать несколько снимков через окно.

– Ну и как? – с интересом осведомилась Надежда.

– Да никак! Полчаса фотографировал, и почти никакого результата. Видно, этот Кондратьев даже к окнам не подходит.

– Так, может, его просто не было дома? Ну, уехал человек на море, позагорать, а вы только зря его караулили...

– Вот и нет! – возразила Лиля. – Я же сказала – почти никакого результата! На одной фотографии через окно можно разглядеть мужские руки. То есть в принципе он в квартире был, только на улицу не выходил и даже к окнам почти не приближался.

– Тяжелый случай, – согласилась Надежда Николаевна, – ну ладно, пойду я.

Она поняла, что ничего больше у Лили не выяснит. Но в последний момент как будто иголкой кольнули ее в темечко.

– Слушай, – она задержалась в дверях, – а как я могу эти фотки посмотреть, ну, квартиры Кондратьева...

Она приготовилась уже к подозрительным взглядам и вопросам и сделала самое безмятежное лицо, но Лили Путова была занята юбкой. Не отрываясь от зеркала, она рассеянно сказала:

– Да это же проще простого. Владик все неиспользованные фотки на свой сайт выкладывает, надеется, что кто-нибудь заинтересуется. Записывай адрес!

– Я запомню! – обрадовалась Надежда.

Дома все было в порядке – кот оставил на время все хулиганства и вплотную занялся своей внешностью. И преуспел в этом – запах растворителя заметно ослабел и шерсть на боку стала чистая и блестящая.

Надежда похвалила кота за трудолюбие и прилежание и дала вчерашнюю котлету.

Муж пришел пораньше и даже поинтересовался, как прошла ее экскурсия в музей современного искусства. Надежда рассказала ему о встрече с Игорем и дальше, посмеиваясь, описала экспонаты. Особенно мужа впечатлила комната, набитая мусором, – то есть композиция художника Собакина «Когда б вы знали, из какого сора...».

– Надя, ты меня не разыгрываешь? – Муж заглянул ей в глаза.

– Вот те крест, не вру!

– Круто! – по-детски восхитился муж. – И наш Гарик там как рыба в воде...

Далее разговор перешел на художников, и муж так и не спросил, за каким, собственно, чертом, Надежда таскалась в этот музей.

Утром позвонила близкая подруга Алка Тимофеева и слезно умоляла Надежду приехать и погулять с собакой. Она уезжает на два дня с учениками на экскурсию, муж в командировке в Лондоне, дети тоже в разъездах. Старший сын Сашка позавчера улетел на студенческую олимпиаду в Токио, а младший Пашка ушел в осенний поход.

Алка работала завучем в школе, муж ее был крупным ученым-химиком, кроме двух сыновей у них в квартире проживали овчарка Дик, кошка Марфа, попугай и еще, кажется, рыбки, к которым кошка испытывала нежнейшие чувства.

Надежда к Дик у относилась очень трепетно – это она в свое время пристроила его к Алке, когда Дик потерял хозяина (см. роман Н. Александровой «Убийство напрокат»), поэтому согласилась без колебаний, тем более что нужно было выгулять собаку только один раз, – а завтра вернется Пашка из похода.

Ей обрадовался не только Дик, но и все звери, даже рыбки приветливо разевали рты за стеклом аквариума. Они с Диком долго гуляли в лесочке возле Алкиного дома, играли в палочку и в мячик. Потом Надежда должна была погладить кошку тридцать три раза, от макушки до хвоста, потом покормить всех, и наконец вырвалась из квартиры с трудом – звери скучали и не хотели ее отпускать.

У выхода из метро стояла женщина и раздавала бесплатную газету. Надежда хотела ускользнуть, но тетя ловко сунула свернутую газету за обшлаг ее пальто. Надежда не любила бесплатные газеты, если на то пошло, она вообще не любила газеты – ничего хорошего из них не узнаешь, кроме того, бесплатные газеты всегда делаются из самой тонкой бумаги и пачкаются типографской краской. Кот Бейсик, напротив, газеты очень любил, он набрасывался на них, как коршун на беззащитную голубку, и рвал на мелкие кусочки. Кусочки эти он умудрялся разбрасывать по всей квартире, что, разумеется, Надежде очень не нравилось.

Поэтому Надежда брезгливо вытащила газету из-за обшлага и шагнула к ближайшей урне, но тут ей бросилась в глаза фамилия Кондратьев, напечатанная крупным шрифтом. Первая мысль была выбросить газету и идти домой и сделать то, что советуют делать, когда кажется, то есть перекреститься. Тем не менее Надежда развернула газету и принялась читать тут же, не отходя от урны.

«Загадка смерти Алексея Кондратьева может быть решена!» – гласил заголовок. И дальше, более мелким шрифтом: «Как нам стало известно из компетентного источника, знаменитый автор детективов Алексей Кондратьев, который скончался на прошлой неделе, оставил новый, не изданный раньше роман. Роман автобиографичен, в нем писатель раскрыл все карты. Читателей ждет полное объяснение, почему писатель вынужден был скрываться все эти годы. Кто угрожал Кондратьеву разоблачением? Кого боялся известный писатель? Отчего никто никогда не видел его лица?»

Все эти загадки раскрываются в новом романе, который выпустит в ближайшем будущем издательство «Норд-Вест».

Под заметкой стояла подпись Л. Путова.

– Так я и думала... – пробормотала Надежда, складывая газету квадратиком. – Вот как получаются дешевые сенсации. Издательство не собирается печатать новый роман Кондратьева, потому что его не существует в природе. Так что загадка смерти Кондратьева никак не может быть решена, привирает тут госпожа ЛилипUTOва. А может, и нет никакой загадки? Ну, умер человек своей смертью, с кем не бывает... А все остальное накрутили журналисты.

Тут Надежда осознала, что стоит возле мусорной урны и разговаривает сама с собой, и на нее уже начали оглядываться прохожие. Она выбросила газету и поскорее отправилась домой, моля бога, чтобы не видел ее никто из соседей.

Спала она плохо, ей снился писатель Кондратьев в виде мумии, которая восстает из саркофага вся в несвежих бинтах. Мумия протягивала руки к Надежде и говорила что-то утробным голосом, как говорят мумии в фильмах ужасов. Было совсем не страшно.

Однако Надежда проснулась от духоты. Она открыла форточку и сходилa на кухню попить водички. Еще поглядела на ночную улицу. Шел дождь, и реклама соседнего магазина многократно отражалась в лужах.

Надежда полюбовалась немного на яркие огни и совершенно разгулялась. Сон не шел, хотя дождик убаюкивающе стучал по подоконнику. Муж повернулся на другой бок и сладко всхрапнул.

Под мерный стук дождевых капель Надежда честно поговорила сама с собой и решила, что она никак не может бросить это странное дело. И пускай ей говорят, что и дела-то никакого нету, так, пустяки. Ну, привели на похороны ту молодую женщину под конвоем, так, может, ее

муж ревнует, вот и приставил охранников... Или покойный писатель от журналистов прятался – тут как раз Надежда очень его понимает. Эта Лиля Путова – такая врушка... Но, так или иначе, Надежда в этом деле разберется.

Не вышло ничего вызнать в музее «Арт Нуво» – значит, нужно ехать к Кондратьеву. В квартиру не попасть, так хоть на дом посмотреть, вокруг побродить, авось и придет в голову какая-нибудь умная мысль.

Приняв такое решение, Надежда заснула с почти чистой совестью.

Надежда Николаевна доехала на метро до Московских ворот, вышла на площадь и без проблем нашла дом, в котором проживал покойный писатель Кондратьев. Дом этот был так называемый «сталинский», недавно отремонтированный – короче говоря, очень приличный дом, заветная мечта риелтора.

Надежда с независимым видом прошла вдоль дома в одну сторону, потом в другую. Дверь подъезда, как и следовало ожидать, была заперта и оснащена домофоном. Надежда Николаевна задрала голову, как будто поинтересовалась, не собирается ли дождь. Небо, как обычно в нашем городе, было плотно затянуто тяжелыми ноздреватыми облаками, но это не очень интересовало Надежду. Она внимательно разглядывала окна на последнем, девятом, этаже.

Судя по всему, это были окна двух квартир. Причем четыре левых окна производили вполне жилое и обитаемое впечатление: занавески на них были раздернуты и время от времени покачивались то ли от сквозняка, то ли от чьих-то прикосновений. На двух окнах стояли горшки с комнатными цветами (с такого расстояния определить, что это за цветы, Надежда не смогла), возле одного из окон мелькнул женский силуэт.

Те же четыре окна, что справа, производили, напротив, впечатление совершенно нежилого. Трудно сказать, в чем именно это выражалось – то ли в том, что на двух окнах занавески были задернуты, а это в нашем городе в октябре месяце о чем-нибудь говорит, у нас и без того осенним днем темнее, чем в июне ночью. То ли в том, что на двух других окнах занавески хотя и были задернуты не до конца, но были неподвижны, как паруса в мертвый штиль, и за ними не было видно ничего, кроме темноты.

В общем, как бы то ни было, Надежда уверилась, что именно эти четыре окна – это окна квартиры покойного Кондратьева. Она представила, как ловкий фотограф на веревке спустился с крыши и с риском для жизни фотографировал эти окна, надеясь заснять сцены из жизни таинственного писателя...

Тем временем дверь подъезда широко распахнулась. Из дверей вышел рабочий с тяжелой коробкой, остановился и, поставив коробку так, чтобы она заблокировала дверь, вернулся в подъезд. Видимо, у кого-то из жильцов полным ходом шел ремонт.

Минуту назад Надежда Николаевна не собиралась делать ничего предосудительного. Она собиралась еще немного покрутиться возле этого дома и отправиться домой, к повседневным домашним делам, к коту... хотя этот хулиган не слишком заслуживал хорошего отношения. Но теперь, увидев призывно открытую дверь подъезда, она не удержалась. Ноги сами понесли ее к этой двери, и Надежда не заметила, как оказалась внутри подъезда, возле лифтов.

«Что я делаю? – удивленно спросила она сама себя, точнее, ее сдержанная и законопослушная половина спросила у другой половины, склонной к авантюрам и сомнительным, безответственным поступкам. – Зачем я сюда вошла? Все равно квартира заперта и опечатана, и я не узнаю ничего нового...»

«А я только поднимаюсь на девятый этаж, – ответила она сама себе, точнее, ее безответственная половина ответила сдержанной и законопослушной, – только поднимаюсь и посмотрю...»

На площадке было два лифта. Один, грузовой, заняли рабочие со своими мешками и коробками, второй был свободен, и Надежда поднялась на девятый этаж.

Как она и полагала, на этом этаже было две квартиры. По ее расчетам, квартира Кондратьева находилась справа от лифта. Впрочем, это предположение тут же получило вполне надежное подтверждение: дверь этой квартиры была опечатана. Правда, бумажка с синей печатью едва держалась на двери, прилепленная одним уголком, но это не меняло ситуацию: квартира находилась на контроле у полиции по причине скоростижной смерти ее владельца.

Больше здесь делать было нечего, и Надежда хотела уже вернуться, она даже шагнула к лифту, как вдруг услышала, что кабина поднимается, и из нее доносятся голоса.

Слов она разобрать не могла, но сами эти голоса звучали строго и официально, по самому их тембру Надежда поняла, что в кабине лифта находятся государственные служащие.

Хотя до сих пор Надежда Николаевна не совершила ничего противозаконного, ей совсем не хотелось, чтобы ее застали перед квартирой Кондратьева и начали задавать всяческие вопросы – мол, что вы здесь делаете, и как вы здесь оказались, и не вы ли случайно оторвали наклепленную на дверь печать...

Наверх ходу не было.

Надежда метнулась к лестнице и сделала уже несколько шагов вниз, но в это время ниже этажом открылась дверь, и на площадку, как горячий суп из кастрюли, выплеснулся оглушительный собачий лай – видимо, соседи снизу вывели собаку на прогулку.

В совершенной панике Надежда метнулась назад.

Кабина лифта уже остановилась на девятом этаже, еще доля секунды – ее дверцы откроются...

Надежда попятилась, прислонилась спиной к двери кондратьевской квартиры...

И вдруг эта дверь поддалась и открылась, и Надежда Николаевна оказалась в прихожей.

Надежда ахнула и машинально захлопнула за собой входную дверь. Замки лязгнули, на этот раз дверь была заперта. Надежда перевела дыхание и снова привалилась спиной к двери, на этот раз изнутри. На какое-то время ей показалось, что она в безопасности...

Но в следующую секунду иллюзия безопасности рассеялась, как утренний туман.

Снаружи к двери приблизились шаги, и женский голос, с оттенком некоторого недовольства, проговорил:

– Но, Василий Артурович, вы же знаете, какой закон: полгода нужно ждать на тот случай, если объявятся наследники...

– Законы, Любовь Макаровна, я знаю не хуже вас, – отвечал мужской голос, в котором, несомненно, звучали нотки начальственной брезгливости. – Полгода ждать придется, хотя мы с вами знаем, что никаких наследников нет и никогда не было. Но мы можем хотя бы осмотреть квартиру, чтобы убедиться... А кстати, Любовь Макаровна, почему печать сорвана? Вы что, ее уже кому-то показывали?

– Да что вы, Василий Артурович, как можно! – В женском голосе появилась доля хорошо контролируемой истерики. – Вы меня знаете, я никогда...

– Допустим, я вас знаю, но печать... ладно, открывайте!

– Сейчас... – За дверью забренчали ключами.

– Что вы там возитесь! – недовольно ворчал мужчина.

Надежда Николаевна пришла в ужас.

Если бы ее застали на лестничной площадке, перед дверью квартиры, – она еще вполне могла отговориться, придумать какое-нибудь правдоподобное объяснение. Да пусть даже не очень правдоподобное, бог бы с ним. Но теперь, когда она находится в чужой квартире, к тому же опечатанной... теперь дело не обойдется минутой позора, ее запросто могут задержать до выяснения обстоятельств, а то и арестовать... как это называется – кража со взломом? И даже если дело обойдется без суда, уж до мужа это точно дойдет!

Эти мысли промелькнули в голове Надежды Николаевны в долю секунды. В следующее мгновение она уже неслась прочь от двери, стараясь не производить шума. Самое удивительное, что это ей почти удалось – женщина средних лет и не самой субтильной комплекции, она пронеслась по квартире Кондратьева на цыпочках, почти не касаясь пола.

Промчавшись по коридору, она влетела в первую попавшуюся комнату. Это была спальня – широкая кровать с резной деревянной спинкой, низкий комод, платяной шкаф...

Много лет назад, когда Надежда была еще не замужней домохозяйкой с инженерным складом ума и авантурными наклонностями, а хрупкой девочкой с двумя косичками, она, как и все, любила играть в прятки. Должно быть, с тех далеких времен у нее остались какие-то инстинкты, и первым ее побуждением было – спрятаться в шкафу.

На одну секунду она застыла в растерянности, представляя, как глупо это будет выглядеть, – но тут хлопнула входная дверь, и голоса донеслись уже из коридора.

Отбросив всяческие сомнения, Надежда открыла шкаф, юркнула в него и тихонько закрыла за собой дверь.

Шкаф был большой и просторный, так что в нем было вполне достаточно места для Надежды Николаевны с ее несколькими (не будем уточнять) лишними килограммами.

В шкафу пахло пылью и еще чем-то довольно приятным. Принюхавшись, Надежда Николаевна узнала запах лаванды. Она и сама раскладывала по шкафам пакетики с лавандой – и от моли помогает, и пахнет хорошо.

Однако, кроме запаха пыли и лаванды, было еще что-то трудноуловимое...

Прямо перед лицом Надежды висел мужской костюм. Приличный костюм, итальянский. Она его немножко подвинула, чтобы удобнее расположиться, уткнулась лицом в рубашку...

И вдруг услышала вздох.

Она замерла, мгновенно с ног до головы покрывшись испариной, и прислушалась.

Вроде бы все было тихо.

«Ну да, конечно, послышалось, – подумала она. – Кто здесь может вздыхать?»

Надежда Николаевна осторожно отодвинула рубашку, невольно опустила глаза...

И увидела брюки. И еще ботинки.

Допустим, брюки вполне могут висеть в платяном шкафу. Но вот ботинкам здесь совсем не место. Их обычно держат отдельно от одежды, хотя бы в другом отделении шкафа.

Но самое главное – брюки и ботинки были не сами по себе.

Они были надеты на мужские ноги.

– Мама... – прошептала Надежда, чувствуя, как по ее спине ползут тысячи ледяных мурашек, – мама, я сейчас умру...

Однако мама Надежды никак не могла прийти ей на помощь: она в это время занималась своими собственными делами и к авантурным наклонностям своей давно уже взрослой дочери относилась крайне неодобрительно.

Так что Надежде приходилось надеяться только на себя.

И в первую очередь – признать очевидный, хотя и невероятный факт: в шкафу она была не одна.

– Кто здесь? – прошептала она дрожащими от страха губами.

– Тс-с-с! – прошипел ей в ответ таинственный незнакомец.

Действительно, сейчас был не самый подходящий момент для разговоров. Дверь спальни открылась, и раздался начальственный мужской голос:

– Хорошая квартира. Потолки высокие, ремонт недавно сделан... так что, Любовь Макаровна, попрошу без самодетельности. Без этого, как его... волюнтаризма.

– Но, Василий Артурович, дорогой, вы же знаете мои семейные обстоятельства...

– Знаю и учту их. Но в пределах разумного. Вы же понимаете, Любовь Макаровна, у меня тоже имеется начальство, и я должен учитывать их интересы. Самое главное, Любовь

Макаровна, чтобы Селезенкин не наложил лапу на эту квартиру. Так что вы уж смотрите, чтобы с ним никаких контактов! А вот здесь стеночку нужно будет немного подкрасить, позаботьтесь!

– Непременно, Василий Артурович!

Дверь комнаты снова негромко хлопнула, голоса доносились теперь из коридора, затем захлопнулась входная дверь, и в квартире наступила тишина.

Надежда Николаевна, которая до этого боялась даже дышать, перевела дыхание, вытерла со лба испарину и наконец вспомнила о своем соседе по шкафу.

Ей было очень страшно, но вместе с тем ее мучило любопытство. Кроме того, неизвестное зло страшнее известного – и она отодвинула в сторону вешалку с рубашками, затем твидовый пиджак – и увидела старомодное, но довольно элегантное пальто. Пальто показалось Надежде смутно знакомым, она уже хотела отодвинуть его тоже... но тут увидела над ним блестящие в темноте глаза.

Над этими глазами были удивленно поднятые брови, и, взглядевшись внимательнее, Надежда Николаевна узнала пожилого элегантного мужчину, которого видела на похоронах Кондратьева.

– Это вы? – прошептала она.

– Да, я... – ответил мужчина очевидное.

Еще секунду назад Надежда в ужасе вслушивалась в дыхание соседа по шкафу, ее сводил с ума сам факт его существования. Но теперь она поняла сразу две вещи: во-первых, этот мужчина, пожилой и несомненно интеллигентный, не представляет для нее опасности. И во-вторых – он ее сам боится.

Эти два факта внушили Надежде Николаевне бодрость и оптимизм. Она строго насупила брови (хотя в шкафу было довольно темно, и вряд ли это произвело на собеседника впечатление) и проговорила, придав голосу металлический призыв:

– Что вы здесь делаете?

– А вы? – вполне резонно ответил мужчина.

– Вопросы здесь задаю я! – произнесла Надежда Николаевна фразу из какого-то фильма. – И вообще, давайте выйдем из шкафа... кажется, они ушли.

– Давайте, – охотно согласился мужчина.

Они выбрались из шкафа.

При свете Надежда еще раз оглядела мужчину.

Несомненно, это он подходил к ней на похоронах. Правда, он выглядел не так элегантно, как тогда, – во-первых, прячась в шкафу, он помял свое пальто, галстук сбил на сторону, а самое главное, у него за правым ухом оказался носок. Черный, вполне приличный носок. Целый и даже, кажется, новый.

– Это вы? – удивленно спросил мужчина, разглядев Надежду. – Я вас видел на похоронах. Что вы там делали?

– Повторяю, – строго проговорила Надежда, – вопросы здесь задаю я!

– На каком основании?

– Вот на каком! – Надежда показала мужчине читательский билет. Когда-то давно она ходила в районную библиотеку. Билет был давно просрочен. Мужчина начал было к нему приглядываться, но Надежда спрятала билет и проговорила:

– Отвечайте на вопрос!

В глубине души она изумилась своей наглости. Но мужчина был явно не в своей тарелке.

– Я еще там понял, что вы не просто так пришли на похороны... – забормотал он, – неужели вы...

– Посмотрите на себя в зеркало! – перебила его Надежда.

Мужчина взглянул на свое отражение в дверце шкафа, увидел носок, сбитый на сторону галстук... и залился краской.

Надежда дала ему минуту, чтобы привести себя в порядок, и повторила свой вопрос:

– Итак, что вы здесь делаете? И для начала – кто вы такой?

– Я... Сперанский... Валентин Олегович Сперанский...

При этом он скромно потупился, как будто назвал очень известное имя, которого Надежда не могла не знать.

Имя действительно показалось Надежде Николаевне смутно знакомым. Она наморщила лоб, безуспешно пытаясь вспомнить, где она его слышала, но собеседник по-своему понял ее пристальный взгляд. Он засуетился, сунул руку в карман пальто и достал оттуда красную книжечку писательского удостоверения.

– Вот мой документ... – проговорил он, но не успел договорить: вместе с удостоверением из кармана выпала фотография. Эта фотография спланировала, как бумажный самолетик, и упала на пол возле левой ноги Надежды.

Сперанский побледнел, на лице его отразился самый настоящий ужас. Само его лицо, прежде породистое и вальяжное, утратило форму и оплыло, как сальная свеча. Он шагнул вперед, наклонился, потянулся за фотографией, но Надежда Николаевна опередила его, схватила снимок и спрятала за спину.

– Отдайте! Отдайте мне ее! – воскликнул Сперанский, протянув руки в умоляющем жесте.

– Ага! – догадалась Надежда. – Значит, вы пробрались в квартиру Кондратьева, чтобы найти эту фотографию?

– Ну да! – пробормотал мужчина. – Отдайте мне ее!

Его лицо выражало настоящее страдание.

– Ишь, как вас разбирает! – Надежда Николаевна, помня, что самый безобидный человек может стать опасным, если его загнать в угол, на всякий случай отступила, чтобы между ней и Сперанским оказался комод, и взглянула на снимок.

Это была фотография титульного листа рукописи. Сверху стояла фамилия автора – Николай Стерлигов, ниже крупными буквами – название: «Белая волчица. Рассказ охотника».

Еще на листе можно было разглядеть расплывшийся штамп издательства и вписанную от руки дату – двенадцатое мая тысяча девятьсот восемьдесят шестого года.

И тут Надежда Николаевна вспомнила, откуда ей знакома фамилия собеседника.

Лет двадцать назад в одном из толстых московских журналов была опубликована повесть с таким названием – «Белая волчица». Повесть была написана очень ярко и живо, сюжет такой, что не оторваться, все ее читали, номер журнала с ней передавали друг другу. Потом она вышла отдельной книгой, еще через два года книгу экранизировали. Так вот, фамилия автора была Сперанский.

Надежда снова взглянула на фотографию... там была напечатана совсем другая фамилия – Стерлигов.

Истина забрезжила перед ней, но Надежда Николаевна еще не до конца ее осознала.

– Отдайте! – повторил Сперанский, чуть не плача. – Ну что вам стоит? Я вам заплачу... – И он снова полез в карман.

– Не нужны мне ваши деньги! – фыркнула Надежда Николаевна. – И вообще, не смейте предлагать взятку лицу при исполнении, совсем голову потеряли? И не лезьте в карман, не ровен час, еще что-нибудь выроните! Ладно, так и быть, отдам вам фотографию, если вы мне все честно расскажете!

– Мне очень больно... это не тот поступок, которым можно гордиться... – пробормотал Сперанский, опустив голову.

– Ничего, расскажите, и вам станет легче! – посулила Надежда, как делали до нее тысячи следователей и судей.

Сперанский посмотрел на нее недоверчиво, однако взял себя в руки и приступил к рассказу.

Двадцать пять лет назад он работал в довольно крупном издательстве. Ему было тогда уже под сорок, литературная карьера не сложилась – время от времени пару рассказов печатали то в одном, то в другом журнале, но ни публика, ни критики не обращали на него внимания. Работа в издательстве тоже не приносила ни денег, ни морального удовлетворения. Приходилось целыми днями читать тысячи страниц откровенной безграмотной графомании и править халтурные творения, принятые издательством к публикации.

В общем, жизнь не удалась.

Но как-то раз, солнечным майским днем, на стол Сперанского легла рукопись с названием «Белая волчица». Валентин отложил ее в сторону, чтобы проглядеть позднее, в свободное от более приоритетных занятий время, и тут к нему подошел рослый, шумный, загорелый человек лет тридцати, от которого в унылом помещении редакции сразу повеяло бескрайним лесом, свежим ветром, дальними странствиями и приключениями. Он представился – Николай Стерлигов и сказал, что приехал из Сибири, привез свою первую повесть.

– Да, мне ее передали! – Сперанский небрежно похлопал рукой по рукописи.

– Ну и как тебе? – Грубый голос Стерлигова заметно дрогнул. Видно было, что судьба рукописи его очень волнует.

– Ну, я ее еще не прочитал. – И Валентин показал на груды рукописей, которые были у него в работе. – И вообще, уважаемый, у нас здесь не Сибирь, у нас принято обращаться на «вы».

Внутри у него все клокотало от возмущения. Он всю свою сознательную жизнь варится в литературном котле, и до сих пор не добился внимания публики и товарищей по перу, а этот дикарь приехал откуда-то из леса и хочет, чтобы все бросили свои дела и бросились читать его «гениальное творение»!

Стерлигов смутился. Они немного поговорили, причем Сперанский держался с сибиряком довольно высокомерно: как-никак он – сотрудник крупного издательства, профессионал, а тот – начинающий писатель, автор единственной повестушки... знай свое место!

Стерлигов погрузился, простился и сказал, что зайдет на следующий день. Напоследок Сперанский, чтобы окончательно унижить сибиряка, с важным видом вручил ему свою недавно отпечатанную визитку, на которой значилось – Валентин Сперанский, литератор.

Сибиряк сунул визитку в карман и поплелся прочь. Его фигура больше не выражала уверенности в себе и энергии. Возле двери он задержался, повернулся и проговорил:

– Ты... то есть вы мою рукопись не потеряйте, у меня только один экземпляр остался.

– Не волнуйтесь, – холодно заверил его Сперанский. – У нас ничего не пропадает.

И он демонстративно погрузился в рукопись очередного графомана.

Однако, едва только дверь за Стерлиговым закрылась, Валентин почувствовал какое-то странное беспокойство. Сибиряк произвел на него впечатление, от его посещения осталось чувство свежести и энергии. Воровато оглянувшись на коллег, он придвинул к себе рукопись Стерлигова и начал читать.

И с первой страницы понял, что перед ним – шедевр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.